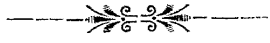
Евг. Темниковскій.

Многоуважаемому
товарищу Григ. Самуил.
Фельдштейну
отъ автора
903 27/XI

КЪ ВОПРОСУ

О КАНОНИЗАЦІИ СВЯТЫХЪ.



ЯРОСЛАВЛЬ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1 9 0 3.

„Пров 38“.

Библиотека ООН
Академии Наук СССР
082
45

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея
Директоръ Лицея *С. Шиловскій.*

Изслѣдованія по вопросу о канонизаціи святыхъ могутъ имѣть двоякую цѣль. Изслѣдователь можетъ поставить своей задачей возстановленіе фактовъ причтенія къ лику святыхъ, т. е. собраніе историческихъ свидѣтельствъ и документовъ о канонизаціи каждаго святого въ отдѣльности, установленіе подлинности этихъ свидѣтельствъ и документовъ и ихъ хронологическихъ датъ, объясненіе ихъ противорѣчій, если они встрѣтятся, и, наконецъ, сведеніе всѣхъ историческихъ данныхъ къ единству; результатъ такого изслѣдованія будетъ состоять въ воспроизведеніи группы конкретныхъ фактовъ прошлаго, а самое изслѣдованіе будетъ имѣть чисто историческій характеръ. Но можетъ быть поставлена и другая задача для такихъ изслѣдованій—на основаніи фактовъ канонизаціи отдѣльныхъ святыхъ выяснить такіе, напримѣръ, вопросы. какія условія считались необходимыми для канонизаціи, въ какой формѣ она производилась. въ чемъ состояли ея послѣдствія и т. п., говоря иначе, возстановить исторію канонизаціи, какъ церковно-юридическаго института.

Объ задачи тѣсно связаны между собою: нельзя изслѣдовать исторіи канонизаціи святыхъ, какъ института, не принимая во вниманіе отдѣльныхъ фактовъ канонизаціи, но онѣ и не тожественны.

Вышедшая въ настоящемъ году книга проф. Голубинскаго «Исторія канонизаціи святыхъ въ русской церкви. М. 1903», являющаяся уже вторымъ дополненнымъ и испра-

вленнымъ изданіемъ труда, напечатаннаго въ первый разъ въ журн. «Богословскій Вѣстникъ» (1894 г.), преслѣдуетъ обѣ указанныя цѣли—воспроизведеніе всѣхъ отдѣльныхъ случаевъ канонизаціи святыхъ русской церкви и, кромѣ того, историческое выясненіе канонизаціи, какъ церковно-юридическаго института. «Русская церковь, пишетъ проф. Голубинскій, въ теченіе вѣковъ своего существованія канонизовала извѣстное количество святыхъ, при чемъ руководилась извѣстными общими правилами и наблюдала извѣстные общіе порядки симъ и опредѣляется содержаніе исторіи канонизаціи святыхъ въ русской церкви Во-первыхъ, долженъ быть данъ списокъ русскихъ святыхъ, въ которомъ были бы сообщены частныя свѣдѣнія объ отдѣльныхъ случаяхъ канонизаціи, насколько свѣдѣній этихъ мы имѣемъ, во-вторыхъ, должны быть изложены тѣ общія правила и порядки, которыми руководилась и которые наблюдала русская церковь въ отдѣльныхъ случаяхъ канонизаціи» (стр. 40). Въ другомъ мѣстѣ эта послѣдняя задача поставлена даже шире. Авторъ имѣетъ въ виду разсмотрѣть не только «правила, которыми руководилась наша церковь въ дѣлѣ канонизаціи святыхъ, и порядки, которые она въ семъ случаѣ наблюдала», но и «народные обычаи относительно почитанія святыхъ» (стр. 264). Дѣйствительно, въ книгѣ есть свѣдѣнія, касающіяся и этого предмета.

Проф. Голубинскій рѣшительно заявляетъ о томъ, что «между нашимъ православнымъ причтеніемъ къ лику святыхъ и между латинской канонизаціей во святые нѣтъ по существу никакого различія» (стр. 531), но къ сожалѣнію нигдѣ не пользуется возможностью путемъ сопоставленія и сравненія двухъ тожественныхъ по существу институтовъ выяснить составъ, значеніе отдѣльныхъ моментовъ и особенности нашего православнаго причтенія къ лику святыхъ. Этотъ пробѣлъ въ книгѣ почтеннаго историка отчасти восполненъ статьей проф. Н. С. Суворова въ Журн. Мин. Народ. Просвѣщ. (1903 г. іюль); но въ виду того, что статья имѣетъ форму рецензіи

на книгу проф. Голубинскаго, очень цѣнныя и важныя положенія, высказанныя здѣсь, носятъ характеръ отрывочности и какъ бы случайности.

Настоящая статья имѣетъ цѣлью путемъ сопоставленія католической канонизаціи и православнаго причтенія къ лику святыхъ выяснить эти тожественные по существу институты. Для этой цѣли отдѣльные моменты ихъ будутъ разсмотрѣны такъ сказать en regard.

Главнѣйшіе вопросы, изъ которыхъ слагается ученіе о канонизаціи святыхъ,—это 1) существо канонизаціи, 2) ея предположенія и условія (реквизиты), 3) форма, въ которой она совершается и 4) ея послѣдствія *).

Выгоды такого параллельнаго разсмотрѣнія понятны въ то время какъ въ католической церкви канонизація давно уже юридически регламентирована и сложилась въ стройный институтъ, въ восточной церкви—и въ частности въ русской—она еще не представляетъ чего-либо твердо установившагося и юридически оформленнаго: какъ юридическій институтъ, она еще in statu nascenti.

I.

Въ чемъ слѣдуетъ усматривать существенный, главный моментъ канонизаціи? **)

*) Разсмотрѣніе вопроса о канонизующей власти исключается изъ настоящей статьи не потому, чтобы этотъ вопросъ не имѣлъ отношенія къ разсматриваемому предмету, а потому что онъ тѣснѣйшимъ образомъ связанъ съ очень сложнымъ вопросомъ о высшей власти въ русской церкви. Тотъ или другой отвѣтъ на вопросъ о канонизующей власти въ русской православной церкви предрѣшается отвѣтомъ на вопросъ, кто въ ней является субъектомъ или носителемъ высшей церковной власти. См назв ст проф. Суворова стр. 295—307

**) Въ западной церкви канонизація (canonisatio)—причтеніе къ лику святыхъ—отличается отъ beatificatio—причтенія къ лику блаженныхъ. Въ своемъ мѣстѣ мы разсмотримъ различіе между ними; теперь же, пользуясь терминомъ: канонизація, мы беремъ его, какъ общее обозначеніе и православнаго причтенія къ лику святыхъ, и canonisatio, и beatificatio—исключительно для краткости выраженій.

Въ канонизаціи можно различать два момента а) признаніе церковью извѣстнаго умершаго члена ея святымъ, праведнымъ, т. е. угодившимъ Богу, достигшимъ вѣчнаго блаженства (констатированіе факта святости) и б) допущеніе или предписаніе чествовать въ церкви такого умершаго ея члена. Юридически существеннымъ и главнымъ моментомъ (essentialia) должно быть признано предписаніе или допущеніе чествованія извѣстнаго умершаго члена церкви, какъ святого, иначе говоря—установленіе его культа.

Насколько намъ извѣстно, прямо вопроса о существѣ канонизаціи въ литературѣ не ставилось, но только что высказанное положеніе можно вывести изъ цѣлаго ученія о культѣ святыхъ.

«Жизнь церкви, пишетъ Walter, проявляется, какъ у всякаго общества, проникнутаго духомъ общественности, въ почитаніи, которое она посвящаетъ памяти лицъ, имѣющихъ заслуги. Но такъ какъ въ качествѣ заслугъ въ церкви могутъ имѣть значеніе только благочестіе и высшія христіанскія добродѣтели, то она можетъ согласно обѣтованіямъ христіанскимъ признать, что тѣ, которые прославились такимъ образомъ здѣсь на землѣ, и въ загробной жизни особо прославлены Богомъ, и что ихъ ходатайство у Бога будетъ имѣть большую силу и милость. На этихъ основаніяхъ покоится почитаніе святыхъ, которые, по ученію церкви, являются не предметомъ молитвы, а ходатаями (Fürsprecher) у Бога и, по своимъ добродѣтелямъ, примѣрами для подражанія. Достоинъ ли тотъ или другой такого памятованія—можетъ безспорно рѣшать только церковь. (LB. d. KR. 1871. S. 645).

Другой католическій канонистъ C. Lombardi такимъ образомъ выясняетъ значеніе канонизаціи въ связи со всѣмъ культомъ святыхъ. «Должно думать, что число святыхъ громадно, такъ какъ, по ученію богослововъ, никто не можетъ достигнуть вѣчнаго небеснаго блаженства иначе, какъ подъ

условіемъ объективной святости (quin sanctitate essentiali fulgeat): извѣстно также, что число тѣхъ, которые при помощи Божіей живутъ и умираютъ благочестиво, почти безгранично; но весьма многіе изъ нихъ выдаются особой святостью, которая проявляется во вѣ героическими добродѣтелями, равно какъ знаменіями (signa) и другими сверхъестественными дарованіями (charismata). Церковь публично чтитъ тотъ и другой родъ святыхъ, но различнымъ образомъ: первыхъ почитаетъ лишь по стольку, по скольку они представляютъ единый сонмъ святыхъ (что бываетъ ежегодно, когда въ честь ихъ празднуется Commemoratio omnium sanctorum), другимъ же воздаетъ священныя почести не только совмѣстно со всѣми, но и въ отдѣльности каждому. Эти послѣднія (почести) церковь оказываетъ въ томъ случаѣ, когда на основаніи Св. Писанія или на основаніи собственнаго постановленія (proprio judicio) того или другого слугу Бога (famulum Dei) объявляетъ (declarat) блаженнымъ или святымъ и предлагаетъ вѣрующимъ почитать его, какъ примѣръ и помощника, словомъ—когда она какого-либо раба Божія (servum Dei) беатифицируетъ или канонизуетъ». (Juris canonici privati institutiones. Romae. 1897—98. p. 113). Такимъ образомъ, главный и существенный моментъ канонизаціи должно полагать не въ признаніи sanctitas essentialis, объективной святости, а въ постановленіи о почитаніи (cultus), для установленія котораго требуется особая святость.

Тотъ же, повидимому, смыслъ придается канонизаціи и беатификаціи протестантскимъ канонистомъ Гиншіусомъ, когда онъ говоритъ, что различіе между беатификаціей и канонизаціей заключается не въ томъ, что святой признается въ высшемъ рангѣ святости, чѣмъ блаженный, а въ томъ, что церковь различно опредѣляетъ въ томъ и другомъ случаѣ свое отношеніе къ достигшему вѣчнаго блаженства (System d. kathol. KR. B. IV. S. 249). *)

*) Въ другомъ мѣстѣ цитированнаго сочиненія Hinschius высказы-

Въ русской литературѣ опредѣленіе въ указанномъ сейчасъ смыслѣ дано г. Барсовымъ. «Канонизація (canonisatio— отъ греч. глагола κανονίζειν узаконять(?)— узаконеніе, чрезъ особое каждый разъ постановленіе высшей церковной власти, чествованія церковью умершаго подвижника вѣры и благочестія, какъ святого» (Энциклоп. словарь Брокгауза и Ефрона т. XIV, стр. 302).

Такое же пониманіе канонизаціи мы видимъ и въ книгѣ проф. Голубинскаго. хотя здѣсь также не поставлено особо вопроса о существѣ канонизаціи. Канонизація—это установленіе мѣстнаго или общецерковнаго празднованія святому, поэтому допускаются выраженія. «канонизація святыхъ къ общему празднованію», «канонизація къ мѣстному празднованію». Слово канонизація во многихъ мѣстахъ книги замѣняется какъ тожественнымъ по смыслу выраженіемъ—«установленіе празднованія».—Отсюда святой, которому установлено общецерковное празднованіе (т. е. святой, который канонизованъ къ общему празднованію) признается церковью за большаго. святой, которому установлено мѣстное празднованіе—за меньшаго святого, какъ есть большіе и меньшіе святые между святыми общецерковными. (Цитир. соч стр. 261).

Но не совсѣмъ ясна точка зрѣнія проф Суворова, когда онъ замѣчаетъ по поводу послѣдней мысли проф Голубинскаго. «что касается разсужденія о большихъ и меньшихъ святыхъ, то по его поводу возможны сомнѣнія. Прежде всего, конечно, нужно помнить, что эта сравнительная оцѣнка есть

вается въ противоположномъ смыслѣ. Das eigenthumliche Wesen der Kanonisation, пишетъ онъ, bildet vielmehr der Umstand, dass der Papst durch dieselbe einen definitiven Ausspruch uber die Heiligkeit des abgeschiedenen Dieners Christi giebt, als dessen Folge die Nothwendigkeit der Verehrung desselben in der ganze Kirche erscheint, wahrend in der Beatificationserklarung ein solcher Character nicht zukommt, und dise nur die Bedeutung hat, dass die Annahme. der fur selig Erklarte sei gewurdigt, das Anthtz Gottes zu schauen, wenigstens in soweit begrundet ist, dass die Verehrung innerhalb gewisser Grenzen gestattet, ja auch angeordnet werden konne (Op cit. B. IV S 250).

дѣло суда церковнаго, т. е. человѣческаго, который никогда не можетъ быть столь же совершеннымъ, какъ судъ Божій, ибо только Богъ одинъ знаетъ въ совершенствѣ всѣхъ своихъ святыхъ и мѣсто, занимаемое каждымъ изъ нихъ въ Его царствѣ. Иначе пришлось бы дойти до странной мысли, что отъ церкви зависѣло бы повышеніе или пониженіе ранга, занимаемаго святымъ въ отношеніи къ Богу, переводомъ его изъ класса мѣстныхъ святыхъ въ классъ общецерковныхъ святыхъ, или наоборотъ, или даже исключеніемъ изъ числа святыхъ». (Цитир. ст. стр. 287).

Выписанное мѣсто можетъ быть понятно только при предположеніи, что проф. Суворовъ исходитъ въ своихъ разсужденіяхъ изъ понятія о канонизаціи, какъ признаніи объективной святости того или другого лица. На самомъ дѣлѣ, если церковь канонизаціей объявляетъ о святости умершаго ея члена въ смыслѣ установленія факта объективной святости его, то, конечно, выраженія «большій святой», «меньшій святой», могутъ имѣть значеніе опредѣленія мѣста, занимаемаго святымъ въ царствѣ Божіемъ; тогда пришлось бы допустить и страшную мысль, что отъ церкви зависитъ повышеніе или пониженіе ранга, занимаемаго святымъ въ отношеніи къ Богу. Но переводъ святыхъ изъ класса мѣстно почитаемыхъ въ классъ общецерковныхъ святыхъ съ точки зрѣнія, о которой было говорено ранѣе, ничего соблазнительнаго заключать въ себѣ не будетъ, такъ какъ этотъ переводъ означалъ бы только новый актъ церковной власти о болѣе торжественномъ праздновании, культѣ святого. Исключеніе изъ числа святыхъ понималось бы какъ церковно-правительственное опредѣленіе о прекращеніи чествованія извѣстнаго лица, какъ святого. Конечно, соблазнительность и нежелательность фактовъ послѣдняго рода внѣ спора, но ихъ смыслъ не можетъ быть понимаемъ такъ, что церковь своимъ рѣшеніемъ измѣняетъ что-либо въ отношеніяхъ святого къ Богу. Говоря общѣе, при пониманіи канонизаціи, какъ акта

церковной власти, устанавливающаго только почитаніе святого, всѣ опредѣленія церкви, сюда относящіяся, должны быть толкуемы въ томъ смыслѣ, что они нормируютъ только отношенія церковныя и за предѣлами этихъ отношеній ничего не устанавливаютъ.

Къ тому же выводу можно прійти и путемъ сравненія отношенія разныхъ церквей къ догмату о святыхъ. Догматъ о святыхъ, содержимый православной и католической церковью, отвергается въ протестантствѣ, понятно, не потому, что не признается возможности достиженія святости въ протестантскихъ церквахъ, такъ какъ этимъ протестантство уничтожало бы себя, а потому, что протестанты не допускаютъ почитанія, культа святыхъ, обращенія къ нимъ, какъ къ посредникамъ и ходатаямъ между Богомъ и людьми.

Съ точки зрѣнія выставленнаго пониманія канонизаціи (въ обширномъ смыслѣ слова) становится яснымъ различіе въ католической церкви причтенія къ лику святыхъ (канонизація въ тѣсномъ смыслѣ термина) и причтенія къ лику блаженныхъ (беатификація). По господствующему мнѣнію это различіе между тѣмъ и другимъ заключается въ томъ, что canonisatio есть предписаніе почитать извѣстнаго умершаго подвижника благочестія въ цѣлой церкви, тогда какъ beatificatio—только допущеніе почитанія въ отдѣльныхъ частяхъ церкви. Такимъ образомъ почитаніе святого, по общему правилу, обязательно для цѣлой церкви, тогда какъ почитаніе блаженнаго только дозволено въ отдѣльной части ея. (См. Walter. LB. d. KR. S. 646; Richter-Dowe-Kahl. KR. 8 Aufl. SS. 917, 918; Zorn. LB d. KR. S. 531; Otto Mejer. LB. d. deutsch. KR. 3 Aufl. S. 522. срав. Hinschius. System d. kathol. KR. B. IV S. 249 Anm 3).

Правда, Hinschius считаетъ это различіе недостаточно точнымъ, такъ какъ есть беатификаціонныя бреве, предписывающія почитаніе блаженнаго въ извѣстномъ округѣ,

съ другой стороны—бываетъ допущеніе почитанія блаженнаго въ цѣлой церкви. Отличіе канонизаціи отъ беатификаціи онъ полагаетъ въ томъ, что первая есть окончательное рѣшеніе папы о святости умершаго члена церкви, тогда какъ послѣдняя—только провизорное постановленіе. Но выше было указано, что по взгляду того же ученаго различіе между беатификаціей и канонизаціей заключается не въ томъ, что церковь признаетъ святыхъ достигшими высшей степени святости, чѣмъ блаженные, а въ томъ, что церковь различно опредѣляетъ къ тѣмъ и другимъ отношенія свои и своихъ членовъ. Практическій результатъ и указаннаго Hinschius'омъ отличительнаго момента сводится къ тому, что беатификаціей исключается предписаніе почитать блаженнаго во всей церкви, такъ какъ это матеріально совпадало бы съ окончательнымъ сужденіемъ объ общепризнанной святости и требовало бы канонизаціи (Hinschius. l. c. сравн. Суворовъ, указ. ст стр 269—270.

Слѣдуетъ, впрочемъ, имѣть въ виду, что какъ ни естественно пониманіе канонизаціи въ смыслѣ оффиціальнаго акта, устанавливающаго культъ святого (акта конститутивнаго), канонизаціонныя формулы какъ въ католической, такъ и въ восточно-православной (въ частности русской) церкви не даютъ права на рѣшительное и несомнѣнное утвержденіе этого положенія.

Объ обычной формулѣ причтенія къ лику святыхъ въ католической церкви даетъ представленіе слѣдующая, напримѣръ, pars decisa изъ декрета папы Льва XIII отъ 8 дек. 1881 г

Ad honorem sanctae et individuae trinitatis, ad exaltationem fidei catholicae et religionis christianae augmentum, auctoritate Domini nostri Iesu Christi, bb. apostolorum Petri et Pauli ac nostra, matura deliberatione praehabita et divina ope saepius implorata ac de venerabilium fratrum nostrorum s. Romanae ecclesiae cardinalium, archiepiscoporum et epis-

coporum in Urbe existentium consilio. beatos Iohannem Baptistam de Rubeis. Laurentium a Brundusio. Benedictum Iosephum Labre, confessores, et Claram a Cruce virginem, sanctos esse decernimus et definimus ac sanctorum catalago adscribimus, statuentes ab ecclesia universali illorum memoriam quolibet anno. . pia devotione recoli debere Слова, набранныя разрядкой, повидимому, могутъ давать основаніе къ толкованію этого акта въ декларативномъ смыслѣ. но въ то же время они рѣшительно не устраняютъ пониманія его въ смыслѣ конститутивномъ.

Болѣе опредѣленна современная формула беатификации.

De supradictae congregationis (sc rituum) consilio et assensu, auctoritate apostolica tenore praesentium indulgemus, ut idem servus Dei Camillus de Lellis in posterum Beati nomine nuncupetur ejusque corpus et reliquiae venerationi fidelium... exponatur, imagines quoque radiis seu splendoribus exornentur ac de eo quotannis XV m. Julii recitetur officium et missa... (См. Hinschius. Op. c. SS. 249 Anm. 1. и 254 Anm. 7 sub fin).

Pars decisa изъ грамоты константинопольскаго патріарха Кирилла Лукариса о причтеніи къ лику святыхъ Герасима Кефалонійскаго отъ 1622 г.

«Имѣя готовность благочествовать предъ Богомъ въ воздаяніи подобающей чести божественнымъ мужамъ и заботясь объ общей пользѣ вѣрующихъ, согласно съ прежде насъ бывшими божественными отцами и послѣдуя общему обычаю церкви, мы соборно постановляемъ, опредѣляемъ и во Святомъ Духѣ повелѣваемъ (συνοδικῶς θεσπίζομεν. διορίζόμεθα καὶ ἐν ἁγίῳ διακελευόμεθα Πνεύματι). съ одобренія и обрѣтшихся (въ Константинополѣ) блаженныхъ патріарховъ Антіохійскаго и Іерусалимскаго, священнѣйшихъ митрополитовъ и пречестныхъ. во Св. Духѣ возлюбленныхъ братій и сослужителей, архіепископовъ и епископовъ,

честнѣйшихъ и словеснѣйшихъ (λογιωτάτων) клириковъ, чтобы вышеименованный святой (ἐν ἁγίοις) Герасимъ былъ почитаемъ ежегодными священнослуженіями и священіями (ἱεροτελεστίαις καὶ ἁγιστίαις) и былъ прославленъ хвалебными пѣснопѣніями и причтенъ былъ къ числу преподобныхъ и святыхъ мужей отнынѣ и навсегда въ будущее время не только на островѣ Кефаліи, но во всей церкви благочестивыхъ отъ конецъ и до конецъ вселенной. (Заимствовано, какъ и послѣдующія цитаты, изъ книги проф. Голубинскаго, стр. 386, 389).

Изъ грамоты того же патріарха отъ 1632 г., которая носитъ характерное заглавіе: Συγγίλιον τῆς μεγάλης τοῦ Χριστοῦ ἐκκλησίας, ἐπικυροῦν τὴν κατ' ἔτος πανήγυριν τῶν ὁσίων καὶ θεοφόρων Πατέρων ἡμῶν Ἰωάννου τοῦ ἐρημίτου καὶ τῶν συνασκητῶν αὐτοῦ ἐννενήκοντα ὀκτὼ τῶν ἐν τῇ Κρίτῃ λαμψάντων, т. е. грамота великой Христовой церкви, утверждающая ежегодное празднованіе преподобнымъ и богоноснымъ отцамъ нашимъ Іоанну пустынніку и девяносто восьми сонодвижникамъ его, въ Критѣ возсіявшимъ.

«Собравшись во святомъ Духѣ всѣ обрѣтающіеся (въ Константинополѣ) архіереи и призвавъ Обѣтовавшаго быть съ нами во вся дни (Мѳ. 28, 20), опредѣляемъ, чтобы сіи (святые мужи) прославляемы были ежегодными празднествами и священными пѣснопѣніями и сопричислены были къ сонмамъ прочихъ святыхъ, какъ на славномъ островѣ Критѣ, который и содѣлали они своимъ священнымъ поприщемъ, такъ и во святыхъ церквахъ по всей вселенной». (Ibid. стр. 392, 395).

Изъ грамоты константинопольскаго патріарха Гавріила о причтеніи къ лику святыхъ Діонисія, архіепископа Закинѳскаго отъ 1703 г.

Послѣ изложенія обстоятельствъ дѣла и упоминанія о томъ, что священныя лица и міряне вмѣстѣ съ архіепископомъ обратились къ престолу Великой церкви за дозволеніемъ установить ежегодный праздникъ святому и совершать ему торжественное празднованіе, читается: «соборно нпша съ находящимися при насъ священнѣйшими митрополитами и пречестными, во Святомъ Духѣ возлюбленными нашими братьями, заповѣдуемъ и во Святомъ Духѣ изрекаемъ, чтобы боголюбезнѣйшій Кефалонійскій и Закиноскій киръ Тимоѳей (архіепископъ) и находящееся при немъ собраніе священнаго причта пресвитеровъ и іеромонаховъ и весь сущій при немъ именитый народъ Господень, состоящій изъ начальствующихъ и начальствуемыхъ, имѣли полнѣйшее дозволеніе (πληρεστάτην ἄδειαν=полнѣйшую свободу) составить съ сего времени ежегодный праздникъ и совершать торжественную память преподобнаго и богоноснаго отца нашего и іерарха Діонисія чудотворца въ опредѣленный благознаменательный для него день, т. е. въ 17-й декабря мѣсяца, въ священной обители Преображенія, находящейся на (одномъ) островѣ (изъ двухъ) Строфадскихъ, гдѣ и священныя его мощи, каноническими (узаконенными) послѣдованіями... и да соблюдается неизмѣнно сіе утверждаемое (ἐπικυρουμένη) священнослуженіе святому до конца вѣковъ, совершенно никѣмъ не нарушаемое или препятствуемое» (Ibid. стр. 400, 404, 405).

Изъ дѣла о канонизаціи св. Иннокентія, епископа Иркутскаго (1804 г.).

Святѣйшій Сунодъ представилъ на усмотрѣніе Императора Александра I мнѣніе въ слѣдующихъ пунктахъ «1) оное тѣло перваго епископа Иркутскаго Иннокентія огласить за совершенныя святыя мощи и съ подобающимъ благоговѣніемъ епархіальному Иркутскому епископу съ прочимъ духовен-

ствомъ поставить въ церкви показаннаго Вознесенскаго монастыря наверху того, гдѣ обрѣтено, или въ другомъ пристойномъ мѣстѣ, съ установленіемъ празднованія ему ноября 26-го числа, на память преставленія сего святителя, о чемъ и объявить изъ Сунода во всенародное извѣстіе указами; 2) всенощныя бдѣнія и молебныя пѣнія желающему народу открыто и надлежащую тому святителю Иннокентію службу отправлять, а также и въ печатаемыя церковныя книги, въ кои надлежитъ, на ряду съ прочими внесть позволить». Мнѣніе Сунода было утверждено Государемъ 28 октября 1804 г. слѣдующими словами: «Согласенъ съ мнѣніемъ Святѣйшаго Сунода» (Ibid. стр. 178).

Изъ дѣла о канонизаціи св. Тихона Задонскаго.

Св. Сунодъ подносилъ Государю всеподданнѣйшій докладъ, въ которомъ изъяснилъ слѣдующее мнѣніе: «1) во благоуханіи святыни почившаго Тихона, епископа Воронежскаго, признать въ ликѣ святыхъ, благодатію Божію прославленныхъ и нетлѣнное тѣло его мощами святыми 2) Изнеся оныя съ подобающею честью изъ Христорождественской церкви, гдѣ нынѣ покоятся, въ главный Богородицкій соборъ, положить въ приличномъ и открытомъ мѣстѣ для общаго поклоненія. 3) Службу святителю Тихону составить особую, а до времени составленія таковой, отправлять ему службу общую святителямъ, память же святителя праздновать какъ въ день преставленія 13-го августа, такъ и въ день, который Его Императорскому Величеству благоугодно будетъ назначить для открытія мощей святителя. 4) Объявить о семъ во всенародное извѣстіе указами Сунода». Высочайшая резолюція: «Согласенъ съ мнѣніемъ св. Сунода. Александръ». (Ibid. стр 182).

Почти въ тожественныхъ выраженіяхъ составлено было мнѣніе Св Сунода во всеподданнѣйшемъ докладѣ о канонизаціи св. Ѳеодосія Угличкаго (Ibid. стр. 185).

Изъ приведенныхъ выписокъ нѣкоторыя съ несомнѣн-

ностью показывают, что канонизовавшія церковныя власти понимали актъ канонизаціи, какъ актъ установленія культа святого (таковы формула беатификаціи въ католической церкви, всѣ приведенныя патріаршія грамоты, мнѣніе Св. Синода въ докладѣ о канонизаціи св. Иннокентія, епископа Иркутскаго), другія же не дають несомнѣннаго права на такое пониманіе ихъ (католическая формула канонизаціи, мнѣнія Св. Синода въ докладахъ о канонизаціи св. Тихона Задонскаго и Ѳеодосія Углицкаго), но въ то же время онѣ не противорѣчать выставленному пониманію канонизаціоннаго акта

II.

Въ чемъ заключаются необходимыя предположенія и условія или основанія канонизаціи?

По дѣйствующему порядку католической церкви, первымъ необходимымъ предположеніемъ канонизаціи является принадлежность канонизуемаго къ церкви, поэтому не могутъ быть канонизованы (и беатифицированы) некрещенные Исключеніе составляютъ святые ветхаго завѣта, такъ какъ они Самимъ Богомъ называются таковыми въ Божественномъ Откровеніи (Св Писаніи или Св. Преданіи). Папѣ по отношенію къ нимъ принадлежитъ право не канонизаціи, а только ближайшаго опредѣленія ихъ культа. Крещеніе при этомъ понимается въ самомъ широкомъ смыслѣ, т. е. имѣется въ виду не только водное, но и такъ называемое крещеніе кровью. Далѣе, не допускается канонизація прижизненная. Не могутъ быть канонизованы дѣти, которыя въ моментъ смерти не достигли еще способности различать добро и зло и потому не могли еще сознательно проявить святость. Исключеніе составляютъ случаи, когда дѣти умерщвлены по ненависти къ христіанству или во время гоненія на христіанъ.

Но удовлетворяющіе всѣмъ необходимымъ предположеніямъ канонизаціи могутъ быть канонизованы только при на-

ничности особыхъ установленныхъ для сего условій. Къ такимъ условіямъ относятся, во-первыхъ, святая жизнь и, во-вторыхъ, проявленіе чудодѣйственной силы.

Duo tamen, virtus videlicet morum et virtus signorum, opera scil. pietatis in vita et miraculorum signa post mortem, ut quis reputetur sanctus in militanti ecclesia, requiruntur. Epist. Innocent. III отъ 1199 г. (Цитир. у Hinschius'a, Op. cit. B. IV S. 252. Anm. 5).

Признаки святой жизни, требуемой для канонизаціи, заключаются въ такъ называемыхъ героическихъ добродѣтеляхъ (virtutes in gradu heroico), т. е. въ такихъ добродѣтеляхъ, которыя, превосходя естественныя человѣческія силы, являютъ высшую ступень совершенства, и которыя выдѣляютъ украшенныхъ ими изъ многочисленнаго сонма праведниковъ. Къ virtutes in gradu heroico относятся три богословскія добродѣтели—вѣра, надежда, любовь и четыре основныя (кардинальныя) добродѣтели—благоразуміе, справедливость, мужество и умѣренность, со всѣми ихъ предположеніями и слѣдствіями. Всѣ эти добродѣтели должны быть проявлены не въ единичныхъ только случаяхъ, а въ большомъ ихъ числѣ, дѣйствительно героически, добровольно и съ радостью: при этомъ необходимо, чтобы не было уклоненія съ пути добродѣтели. Только по отношенію къ кардинальнымъ добродѣтелямъ не требуется, чтобы всѣ онѣ были проявлены одинаково героически; достаточно, если подвижникъ благочестія обнаружилъ in gradu heroico тѣ изъ нихъ, которыя были наиболѣе свойственны и приличны его положенію, какъ напр., облеченный церковной или государственной должностью—умѣренность и справедливость, папа—ревность къ поддержанію и распространенію христіанства. Высшимъ доказательствомъ героическихъ добродѣтелей считается добровольная мученическая смерть за Христову вѣру или за добродѣтели.

Что же касается чудодѣйственной силы, то признаніе

ея наличности регламентируется слѣдующими положеніями. Требуются не прижизненныя чудеса, а послѣ смерти (см выше письмо Иннокентія III). Необходимость чудесъ для мучениковъ—вопросъ спорный. Число чудесъ въ настоящее время опредѣляется на основаніи декретала папы Бенедикта XIV отъ 23 апрѣля 1741 г. Въ тѣхъ случаяхъ, когда беатификація имѣла мѣсто per viam cultus immemorialem aut indulto, прежде допускалось, что. по установленіи наличности добродѣтелей или мученичества. хотя бы посредствомъ свидѣтелей по слуху (testibus de auditu), приступали къ торжественной канонизаціи при наличности двухъ чудесъ, въ настоящее время для канонизаціи при описанныхъ обстоятельствахъ требуется четыре чуда. и при томъ установленныхъ на основаніи показаній свидѣтелей-очевидцевъ (testibus de visu). Въ дѣлахъ о беатификаціи simplicium servorum Dei per viam non cultus долженъ быть соблюдаемъ давній обычай—приступать къ беатификаціи послѣ удостовѣренія въ добродѣтеляхъ посредствомъ свидѣтелей-очевидцевъ и при наличности двухъ чудесъ. Но если добродѣтели (или мученичество) удостовѣряются свидѣтелями по слуху, то должны быть доказаны не два, а четыре чуда для беатификаціи и потомъ еще два чуда для канонизаціи. и непремѣнно свидѣтельскими показаніями de visu *).

Обращаемся къ соотвѣтствующему порядку православной церкви.

*) Проф Суворовъ (указ ст стр 268) допускаетъ важныя неточности въ передачѣ декретала Бенедикта XIV, утверждая. что въ декреталѣ различаются свидѣтели чудесъ—очевидцы (testes de visu) и свидѣтели по слуху (testes de auditu). при чемъ. если чудеса подтверждаются свидѣтелями-очевидцами, то для беатификаціи достаточно двухъ, а для канонизаціи четырехъ чудесъ (еще четырехъ или всего четырехъ?), но при свидѣтеляхъ по слуху для беатификаціи требуется четыре чуда, а для канонизаціи еще сверхъ того два чуда. Въ декреталѣ, изложенномъ въ текстѣ, для установленія чуда всегда требуются testes de visu; различаются testes de visu и testes de auditu только по отношенію къ virtutes in gradu heroico и къ martyrium.

Авторъ Исторіи канонизаціи святыхъ въ русской церкви ничего не говоритъ о необходимыхъ предположеніяхъ канонизаціи въ православной церкви. Конечно, нельзя думать, что въ православной церкви возможна канонизація при отсутствіи ихъ (особенно здѣсь слѣдуетъ имѣть въ виду требованія, чтобы канонизуемый принадлежалъ къ церкви, чтобы канонизація совершалась только послѣ смерти канонизуемаго). Дѣло, повидимому, слѣдуетъ представлять такимъ образомъ, что въ то время какъ въ католической церкви эта сторона канонизаціи юридически регламентирована, въ церкви восточной она опредѣлялась только обыкновеніемъ, т. е. обыкновенно канонизовались только удовлетворявшіе указаннымъ предположеніямъ, но сознаніе того, что это такъ и должно быть и что противоположное не должно имѣть мѣста не получило особаго и яснаго выраженія, а это то сознаніе (opinio necessitatis, opinio juris) и дѣлаетъ изъ простого обыкновенія юридическій обычай, обычное право, право вообще. Изъ книги проф. Голубинскаго мы ничего не узнаемъ о томъ, какъ относилась и относится русская или вообще православная церковь къ канонизаціи дѣтей, или лицъ, не успѣвшихъ креститься, но запечатлѣвшихъ свое исповѣданіе христіанской вѣры мученичествомъ. Только о причтеніи къ лику святыхъ ветхозавѣтныхъ праведниковъ—патріарховъ и пророковъ—сказано, что они, равно какъ апостолы (не говоря уже о Божіей Матери и Іоаннѣ Предтечѣ), признаны церковью за святыхъ «на основаніи того, какъ должно полагать, вѣрованія, что къ классамъ этимъ могли принадлежать только люди святые, такъ что принадлежность ихъ къ классамъ служила свидѣтельствомъ объ ихъ святости» (стр. 13). Положеніе мало вразумительное и неудобопріемлемое!

Что же касается условій или основаній причтенія къ лику святыхъ, то по отношенію къ нимъ святые древней восточной церкви раздѣляются проф. Голубинскимъ на три категоріи или разряда. Первый разрядъ это упомянутые уже

Библиотека ООН

ветхозавѣтные патріархи и пророки и новозавѣтные апостолы (а новозавѣтные пророки?), второй — мученики: третій — «святые, относительно которыхъ необходимо думать, что церковь признавала ихъ святыми не по причинѣ принадлежности ихъ къ извѣстному классу, а потому, что лично того или другого изъ нихъ считали (?) достойнымъ сего признанія. Это святые изъ подвижниковъ (аскетовъ)». Но, кромѣ того, есть еще классъ святыхъ изъ іерарховъ или святителей, о святыхъ этого послѣдняго разряда предполагается, что сначала они принадлежали къ первому разряду т. е. признавались святыми на основаніи ихъ принадлежности къ классу іерарховъ, а потомъ причислены были къ послѣднему (стр. 13).

Въ частности относительно подвижниковъ высказано предположеніе, что «тѣхъ или другихъ между ними церковь съ самаго древняго времени стала признавать святыми на томъ же основаніи, на которомъ признавала ихъ въ позднѣйшее время и на которомъ признаетъ ихъ и до сихъ поръ, именно — на основаніи сверхъестественнаго свидѣтельства о нихъ самого Бога, который тѣхъ или другихъ между ними удостоивалъ дара чудотвореній или еще при жизни или по смерти. Не предполагая этого, единственно твердаго и независящаго отъ человѣческихъ пристрастій, основанія, мы должны были бы думать, что въ признаніи подвижниковъ святыми господствовалъ въ древнее время произволъ, чего думать, конечно нельзя. Читая житія древнихъ подвижниковъ, причисленныхъ къ лику святыхъ, мы почти не находимъ между ними такихъ, которые бы не обладали даромъ чудотвореній еще при жизни: а эта общая принадлежность дара чудотвореній подвижникамъ, признанным церковью за святыхъ, и даетъ полное основаніе предполагать, что сей именно даръ и былъ причиною ихъ причтенія къ лику святыхъ. Въ позднѣйшее время это несомнѣнно было такъ, ибо изъ позднѣйшей греческой церкви взяла указанное правило канонизаціи подвижниковъ наша русская церковь, да и о ней самой

извѣстно это положительнымъ образомъ но гораздо вѣроятнѣе предполагать то, что правило существовало въ греческой церкви съ самаго древняго времени и съ самаго начала, чѣмъ то, что оно постановлено въ ней когда то въ позднѣйшее время, ибо на вопросъ: почему правило, представлявшее собою единственное ограждение отъ произвола человѣческаго въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ провозглашение святыхъ. не было постановлено въ древней церкви, мы затрудняемся дать какой нибудь отвѣтъ» (стр. 16).

Въ подкрѣпление этой ткани предположений подъ строкою не указано ничего. Рядомъ съ этими предположеніями можетъ быть построенъ такъ же предположительно такой, напримѣръ, порядокъ. Слава святой жизни того или другого подвижника благочестія, начинавшаяся еще при его жизни, не умирала вмѣстѣ съ нимъ; благочестивый подвижникъ, скончавшійся въ славѣ святости, становится предметомъ народнаго чествованія—сначала, быть можетъ, въ сравнительно незначительномъ районѣ, который съ теченіемъ времени могъ разширяться. Такимъ образомъ являлся культъ святого. Къ нему постепенно присоединялись и церковныя власти, прежде всего мѣстныя, затѣмъ иногда и центральныя соотвѣтственно съ тѣмъ, какъ широко распространялся культъ святого Присоединение церковныхъ властей къ народному культу, дававшее послѣднему оффиціальное значеніе, не было какимъ-либо формальнымъ актомъ въ родѣ современной канонизаціи, а совершалось постепенно, пока само собой не устанавливалось границъ культа (мѣстный святой) или пока этотъ культъ не распространялся по всей церкви (общецерковный святой). Вѣра въ чудеса подвижниковъ, конечно, входила въ качествѣ составной части въ религіозный культъ святыхъ, какъ вообще вѣра въ чудесное, сверхъестественное присуще религіозному умонастроенію, но она не составляла здѣсь исходнаго момента и тѣмъ менѣе единственнаго основанія почитанія святыхъ; исходнымъ моментомъ и основаніемъ его (хотя быть можетъ

не единственнымъ) было убѣжденіе въ святости жизни подвижниковъ.

Правда, мы такъ же не можемъ привести документальныхъ подтвержденій настоящаго предположительнаго построенія, но не видимъ преимуществъ предъ нимъ построенія проф. Голубинскаго.

Независимо отъ этого, самый логическій строй разсужденій почтеннаго историка возбуждаетъ нѣкоторое сомнѣніе. Строится такая альтернатива: или въ провозглашеніи церковью святыхъ дѣйствовалъ порядокъ, по которому она причисляла къ лику святыхъ на единственно твердомъ и не зависящемъ отъ человѣческихъ пристрастій и произвола основаніи, именно—на основаніи чудодѣйственной силы проявленной подвижниками, или въ этой области господствовалъ произволъ. Позволительно думать, что приведенная альтернатива не имѣетъ исчерпывающаго характера, такъ какъ возможенъ и такой порядокъ, который, исключая всякій произволъ и пристрастія, наоборотъ предполагая тщательное и справедливое отношеніе къ данному предмету, основывается не на однихъ фактахъ чудотворенія. Мы уже оставляемъ въ сторонѣ обильный фактическій матеріалъ книги, достаточно засвидѣтельствовавшій, что эта сторона церковной жизни не осталась свободной отъ человѣческаго произвола и пристрастій.

Мало подкрѣпляетъ предположеніе проф. Голубинскаго и ссылка на порядокъ въ позднѣйшей греческой церкви. Не говоря о томъ, что заключенія отъ позднѣйшаго порядка къ древнѣйшему—весьма ненадежный и сомнительный видъ историческихъ заключеній, самый этотъ позднѣйшій порядокъ, какъ увидимъ ниже, далеко не соотвѣтствуетъ тому, о которомъ сейчасъ идетъ рѣчь

Наконецъ, затруднительность отвѣтить на вопросъ—почему въ древней греческой церкви не было правила въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ провозглашеніе святыхъ, едва-ли даетъ право на предположеніе, что правило существовало въ

греческой церкви съ самаго древняго времени, съ самаго начала.

Важную особенность въ причтеніи къ лику святыхъ, практиковавшемся въ древней восточной церкви, составлялъ тотъ порядокъ какой, по изслѣдованію проф. Голубинскаго, дѣйствовалъ по отношенію къ іерархамъ или святителямъ, т. е. ко всѣмъ епископамъ и по отношенію къ царямъ и царицамъ, оказавшимъ церкви значительныя услуги.

Относительно святителей «съ большой вѣроятностью должно быть принимаемо, что первоначально они причисляемы были къ лику святыхъ или канонизуемы одинаково съ мучениками, т. е. eo ipso или по тому самому, что были святителями, и что потомъ они начали быть канонизуемы одинаково съ подвижниками или чрезъ приложеніе къ нимъ того же требованія, которое издревле прилагалось къ послѣднимъ» (стр 16).

Дѣйствительно, изъ общаго числа константинопольскихъ епископовъ-патріарховъ за періодъ времени 315—1025 г.г.—74-хъ не были причислены къ лику святыхъ 18 еретиковъ и всего только 7 православныхъ. Изъ послѣднихъ 7 только относительно трехъ это несомнѣнно, относительно же остальныхъ четырехъ можетъ быть принято одно изъ двухъ: либо они совсѣмъ не были причислены къ святымъ, либо не были вписаны въ прологѣ и святцахъ, хотя и были признаны святыми (стр. 373—378). Если же взять списокъ епископовъ-патріарховъ константинопольскихъ за періодъ времени съ 315 г. до такъ называемаго торжества православія при Меѳодіи (842—846), послѣ чего мы уже не видимъ на патріаршемъ престолѣ еретиковъ, то получаются такія цифры. общее число патріарховъ—58, изъ нихъ еретиковъ—18; изъ остальныхъ 40 православныхъ причтены къ лику святыхъ 38, не причтены только 2. Двое не причисленныхъ къ святымъ—это Акакій (471-489) и Франта или Флавита (Флавіанъ) (489). Первый изъ нихъ не можетъ быть признанъ

вполнѣ православнымъ, такъ какъ стремился примирить монофизитовъ и православныхъ на основаніи извѣстнаго генотикона имп. Зенона и умеръ подъ анаѳемой папы. Второй продолжалъ ту же примирительную политику. Такимъ образомъ, по отношенію къ епископамъ гор. Константинополя — по крайней мѣрѣ за періодъ времени 315—846 г.г.—можно принять какъ твердое положеніе, что в с ѣ ъ они б е з ъ и с к л ю ч е н і я при несомнѣнности ихъ православія, причислялись къ лику святыхъ. Съ 846 г. и до 1025 г. изъ этого правила уже встрѣчаются исключенія, но съ XI вѣка патріархи, повидимому, причисляются къ лику святыхъ на общихъ основаніяхъ, со всѣми подвижниками благочестія

Основываясь на примѣрѣ константинопольскихъ патріарховъ проф. Голубинскій высказалъ предположительное сужденіе, что въ древнее время епископіи причисляли къ лику святыхъ всѣхъ своихъ епископовъ, предъявляя къ нимъ только отрицательныя требованія—чтобы они не были еретиками и чтобы не запятнали себя чѣмъ-либо укоризненнымъ.

Этотъ порядокъ составлялъ особенность восточной церкви, что можно видѣть изъ сравненія списка константинопольскихъ патріарховъ со спискомъ патріарховъ римскихъ—папъ. До 1024 г. по церковному списку считается 150 папъ (включая сюда апостола Петра, Лина и Клета); изъ нихъ до 314 г. въ количествѣ 33 всѣ святые, изъ остальныхъ же 117 (съ 314 по 1024 г.) святыхъ 44, не признанныхъ таковыми 73. Непрерывный списокъ папъ, признанныхъ святыми, простирается до Феликса IV (526—530) включительно—всего 56 папъ. Со времени Бонифація II (530—535) до Николая I (858—867) включительно въ спискѣ папъ чередуются причисленные къ святымъ и не причисленные (изъ 52 папъ святыхъ 21). Послѣ Николая I и до настоящаго времени папы, не причтенные къ святымъ, составляютъ подавляющее большинство: изъ 155 (кончая Львомъ XIII)—святыхъ 4 и блаженныхъ 5. Послѣ Пія V († 1572), признаннаго святымъ, не

канонизовано и не беатифицировано ни одного папы. (Списокъ папъ см. Juris canonici privati institutiones C. Lombardi. t. I, pp. 383—387).

Изъ обозрѣнія списка папъ можно вывести, что на Западѣ, если и было подобно тому, какъ это имѣло мѣсто на Востокѣ, причтеніе іерарховъ къ лику святыхъ на томъ только одномъ основаніи, что они іерархи, то во всякомъ случаѣ это могло быть только до половины VI столѣтія.

Основаніемъ причтенія къ лику святыхъ царей, царицъ и членовъ ихъ семействъ служили заслуги ихъ предъ церковью. Но для оцѣнки этихъ заслугъ не существовало какой-либо нормы и, слѣдовательно, твердаго и независящаго отъ человѣческихъ пристрастій, основанія. (Голубинскій, стр. 19).

Въ позднѣйшей греческой церкви, по изслѣдованію проф. Голубинскаго, кромѣ мученичества основаніемъ канонизаціи признавалось, какъ признается и теперь, прославленіе отъ Бога даромъ чудотвореній (стр. 27). Въ противоположность апріорно-гипотетическимъ сужденіямъ касательно основаній канонизаціи въ древней греческой церкви, настоящее положеніе опирается на историческіе документы. Эти документы: грамота константинопольскаго патріарха Іоанна Калеки (Апрена) къ русскому митрополиту Ѳеогносту (1339 г.), мѣсто изъ похвальнаго слова патріарха константинопольскаго Филоѳея Григорію Паламѣ, грамота константинопольскаго патріарха Кирилла Лукариса о канонизаціи Герасима Кефалонійскаго (1622 г.), грамота того же патріарха о канонизаціи Іоанна Критскаго и его сподвижниковъ 1632 г., грамота константинопольскаго патріарха Гавріила о канонизаціи Діонисія Закинѳскаго (1703 г.) и мѣста изъ сочиненія патріарха іерусалимскаго Нектарія († 1680 г.) Περὶ τῆς ἀρχῆς τοῦ πάπα ἀντίῤῥησις (напеч. въ 1682 г.).

Доказываютъ ли перечисленные документы, что въ позднѣйшей греческой церкви единственнымъ условіемъ или основаніемъ канонизаціи признавался даръ чудотворенія? Намъ

кажется, что документы даютъ возможность отвѣчать на вопросъ въ томъ смыслѣ, что вмѣстѣ съ даромъ чудотвореній требованись и другія основанія для канонизаціи, и уже во всякомъ случаѣ они не даютъ права на рѣшительное заключеніе, что чудеса были единственнымъ основаніемъ причисленія къ святымъ.

Разберемъ мѣста, относящіяся къ разсматриваемому вопросу.

Въ похвальномъ словѣ патріарха Филоѳея, послѣ разсказа о 10 чудесахъ, совершившихся при гробѣ Григорія Паламы, слѣдуютъ такія слова. «отсюда—ἐντεῦθεν—(вслѣдствіи сего, т. е. именно того, что при гробѣ архіепископа совершались многія чудеса) боголюбивѣйшіе и преимуществующіе (προὔχοντες=знатные) изъ тамошнихъ (жителей Солуни), и особенно изъ состоящихъ во іереяхъ, сообща приговоривъ (εἰς ταὐτὸ γνόντες), ставятъ Григорію священную икону и совершаютъ свѣтлый и всенародный праздникъ въ день его кончины и спѣшатъ воздвигнуть ему храмъ, какъ славному ученику Христову».. (стр. 381). Доказательная сила этого мѣста опирается на пониманіе слова ἐντεῦθεν въ смыслѣ каузальномъ (въ слѣдствіе сего, т. е чудесъ). Но ближайшее и первое значеніе ἐντεῦθεν есть указаніе на мѣсто: отсюда, hinc, illinc; слѣдующее значеніе—указаніе на время съ того времени, потомъ, вскорѣ затѣмъ, deinde, exin и наконецъ уже указаніе на причинное отношеніе, поэтому, ideo. Къ сожалѣнію мы оставлены въ невѣдѣніи касательно того, почему въ данномъ мѣстѣ слову ἐντεῦθεν придано значеніе указанія на причинное отношеніе событій, а не указаніе на простую хронологическую послѣдовательность Въ виду отсутствія основаній предложеннаго толкованія доказательная сила цитаты весьма подозрительна.

Слово патріарха Филоѳея, хотя и можетъ быть разсматриваемо въ качествѣ оффиціальнаго документа, все же не

составляетъ акта канонизаціи, такъ что значеніе его ослабляется отчасти и этимъ.

Посланіе патріарха Іоанна Апрена къ митрополиту Θеогносту есть, выражаясь современнымъ языкомъ, отвѣтъ на представленіе или рапортъ русскаго митрополита своему непосредственному начальству—константинопольскому патріарху. Содержаніе доклада по посланію въ сколько-нибудь точномъ видѣ возстановить нельзя, но насколько можно судить по послѣднему, существенные пункты его были—сообщеніе о чудесахъ свят. Петра и вопросъ, какъ поступить съ его мощами. «Получили мы писаніе твоего священства, съ извѣщеніемъ и вмѣстѣ съ удостовѣреніемъ о бывшемъ предъ тобою архіереѣ той же святѣйшей церкви, какъ онъ послѣ смерти прославленъ отъ Бога и явленъ истиннымъ его угодникомъ, такъ что и великія чудеса совершаются имъ и исцѣляются всяческія болѣзни. .. А поелику твое священство и отъ насъ искало наставленія, какъ поступить съ таковыми святыми мощами, (то отвѣчаемъ). знаетъ и повѣдаетъ само (священство твое), какого чина и обычая держится (ὡς ἔχει τάξεως καὶ συνηθείας) въ таковыхъ случаяхъ церковь Божія: получивъ и относительно сего (святого) твердое и несомнѣнное удостовѣреніе, священство твое и въ настоящемъ случаѣ поступитъ по тому же чину церкви» .. (стр. 382—383).

Вывести изъ этого документа положеніе, что чудеса и только одни они были необходимымъ условіемъ или основаніемъ канонизаціи представляется совершенно невозможнымъ; документъ говоритъ о нихъ вскользь въ изложеніи рапорта или доклада, а въ резолютивной части не упоминаетъ о нихъ ни словомъ, глухо ссылаясь на извѣстные митрополиту порядокъ и обычай.

Три слѣдующіе памятника представляютъ канонизаціонные акты, а потому ихъ содержаніе имѣетъ преимущественное значеніе для выясненія вопроса объ условіяхъ канонизаціи въ греческой церкви. При всей неудобовразумитель-

ности канцелярски-краснорѣчиваго стиля, какимъ изложены эти грамоты патріарховъ. онѣ даютъ несомнѣнное право утверждать, что въ качествѣ основаній канонизаціи требовались во-первыхъ—добродѣтельная, святая жизнь и потомъ уже даръ чудодѣйственной силы.

Грамоту Кирилла Лукариса о причтеніи къ лику святыхъ Герасима Кефалонійскаго можно схематизировать, держась подлинныхъ выраженій, такимъ образомъ: «благочестивымъ и вмѣстѣ весьма полезнымъ для всего общества церкви... является то, чтобы и по смерти прославлять ежегодными церковными службами и похвальными пѣснопѣніями тѣхъ, которые украсились добродѣтелію въ тѣлесной жизни. Не малую помощь оказываетъ намъ въ нуждахъ та честь, которая воздается преподобно жительствовавшимъ съ нами (свято скончавшимся) мужамъ... Такъ какъ и въ наши времена благоволеніе Богъ, чтобы преподобно и богоугодно пожившій въ такъ назыв. Равноапахъ острова Кефалоніи божественный Герасимъ сталъ образомъ подвижника Христова и примѣромъ божественной добродѣтели, коего добродѣтели и труды въ сей жизни не только возбуждаютъ удивленіе людей и всюду проповѣдуются знающими о нихъ, но и гораздо болѣе того, отъ Бога подтверждаются и запечатлѣваются посредствомъ чудесъ, то и мы... слѣдуетъ резолютивная часть, (стр. 393, 394).

Другая грамота того же патріарха имѣетъ подобное же логическое построеніе.

«Прекрасно и съ мудрымъ разсужденіемъ ближайшіе ко Христу отцы передали всему обществу церкви, чтобы тѣ, кои когда-либо совершили добродѣтельно жизнь для Жизни всѣхъ—Христа и запечатлѣли добродѣтель смертью, достигши ... праведной кончины, послѣ переселенія ихъ отсюда были почитаемы пѣснопѣніями и ежегодными празднествами.... Поелику задолго прежде нашихъ временъ

въ благоустроенномъ градѣ Критѣ просіялъ подвижничествомъ преподобный Іоаннъ пустынникъ и сподвижники его, въ числѣ 98. одинаковую ревность и подвиги совокупно проявили, жизнь которыхъ Господь, принявъ выше всякой жертвы всесожженія, прославилъ дивными чудесами... то .. слѣдуетъ резолютивная часть (стр. 390- 396).

Схема грамоты патріарха Гавріила.

«Подъявшихъ на рамена спасительный крестъ Господа и славно водрузившихъ знамя побѣды надъ міродержателемъ вѣка сего и неодолимыми подвигами восторжествовавшихъ надъ силою его и мужественною борьбою пріобрѣтшихъ награду за добродѣтель (τὸ ἄθλον τῆς ἀρετῆς ἐναγωνισαμένους γενναίως) всѣ мы должны прославлять священными памятями и освящать ежегодными чествованіями...; равнымъ образомъ нашею обязанностью должно быть и то, чтобы сопричислять (ихъ) къ сонму святыхъ и списку преподобно и славно удостоиваемыхъ отъ церкви святого воспоминанія.... Несравненнымъ образомъ воспрославляетъ Господь прославившихъ Его подвижничествомъ и увѣнчиваетъ ихъ присноцвѣтущими и неувядаемыми цвѣтами небесной славы и сіянія... а также посредствомъ явныхъ чудотвореній содѣлываетъ ихъ и извѣстными вѣрнымъ въ мірѣ, совершая чрезъ нихъ дивныя чудеса. Посему то всѣмъ благочестивымъ и надлежитъ непремѣнный долгъ, по древнему каноническому и непреложному обычаю святой церкви Божіей, свѣтло праздновать просіявшимъ всюду подвигами и славить ихъ изящными похвалами и высокими похвальными рѣчами, какъ явившихся достойными служителями многотруднаго подвижничества, чрезъ которое самихъ себя воспрославили, а всѣмъ съ благопочтеніемъ ихъ призывающимъ съ поспѣшеніемъ возписпосылаютъ милость и спасеніе»... Далѣе грамота передаетъ содержаніе представленной архіепископомъ Кефалонійскимъ Тимоѳеемъ «записки», излагающей «высокую жизнь и божественныя

сверхчеловѣческія дѣянія (βίον ὑψηλὸν καὶ πράξεις ἐνθέους καὶ ὑπὲρ ἄνθρωπον—virtutes in gradu heroico!) преподобнаго и богоноснаго отца нашего Діонисія», который, между прочимъ, «до конца жизни своей проходилъ поприще монашескаго житія, подвизавшись свыше смертнаго естества (ὑπὲρ φύσιν βροτείαν ἐξασκήσας).... явилъ себя совершителемъ многихъ и дивныхъ чудесъ, врачуя разныя болѣзни недугующихъ и словомъ прогонія духовъ нечистыхъ. Но было ничто и другое между его божественными преимуществами, наиболѣе достойное удивленія всѣхъ—отсутствіе надменія въ его поведеніи (правѣ) и крайнее смиреніе. Усиленно старался онъ отъ окружающихъ его, но невозможно было укрыться подъ спудомъ тому, кого благодать, какъ свѣтильникъ свѣтлый, возвела на вершину добродѣтелей (ἐπὶ τὸ ὑπερῶον τῶν ἀρετῶν). Посему и послѣ его блаженнаго въ Господѣ успенія божественная сила воочію всѣхъ явила божественное его обиталище и священныя мощи совершившими и ежедневно совершающими безчисленное множество поразительныхъ чудесъ» (стр. 397—403).

Если бы мы располагали только тремя послѣдними документами, то можно было бы настаивать, что въ XVII в. и въ началѣ XVIII в. практика греческой церкви относительно основаній или условій канонизаціи подвижниковъ благочестія была въ своей сущности тожественна съ практикой церкви католической. Въ первой, какъ и въ послѣдней, для канонизаціи требовались—во-первыхъ, добродѣтели, именно добродѣтели, превосходящія естественныя силы человѣка (in gradu heroico, ὑπὲρ ἄνθρωπον, ὑπὲρ φύσιν βροτείαν), и во-вторыхъ, чудеса. Но существуетъ авторитетное свидѣтельство, которое явно разрушаетъ это единство: оно принадлежитъ іерусалимскому патріарху Нектарію. Въ книгѣ, заглавіе которой названо выше, патріархъ пишетъ, что три вещи признаются свидѣтельствующими объ истинной святости въ людяхъ: 1) православіе безукоризненное, 2) совершеніе всѣхъ добродѣ-

телей, за которымъ слѣдуетъ противостояніе за вѣру даже до крови и, наконецъ, проявленіе Богомъ сверхъестественныхъ знаменій и чудесъ, 3) весьма необходимое, въ виду того, что въ наше время (т. е. когда жилъ патріархъ) недобросовѣстные люди поддѣлываютъ чудеса и вымышляютъ добродѣтели,—нетлѣніе мощей (τῶν λειψάνων ἀφθορία) или благоуханіе костей (εὐῶδις τῶν ὀστῶν ὀσφρήσει) подвижниковъ *).

По поводу этого свидѣтельства въ книгѣ проф. Голубинскаго сдѣлано замѣчаніе: «съ большою вѣроятностью надлежитъ думать, что Нектарій объявляетъ общимъ непремѣннымъ требованіемъ то, что на самомъ дѣлѣ только большей частью бывало». Но общее непремѣнное требованіе по настоящему предмету въ греческой церкви не нашло себѣ другого выраженія, кромѣ обыкновенія, заведеннаго порядка, такъ какъ законодательныхъ опредѣленій по этому вопросу

*) Въ передачѣ настоящаго мѣста мы отступили отъ вольнаго перевода его у проф Голубинскаго.

Текстъ Нектарія.	Передача его проф Голубинскимъ.
Τρία θεωροῦνται μαρτυροῦντα τὴν ἀληθῆ ἐν ἀνθρώποις ἁγιότητα. α'. ὀρθοδοξία ἄμωμος β'. ἀρετῶν κατόρθωσις ἁπασῶν, ἐν αἷς ἔπεται ἡ περὶ πίστιν μέχρις αἵματος ἀντικατάστασις (?) καὶ τέλος (γ') ? ἡ παρὰ Θεοῦ ἐπίδειξις σημείων ὑπερφυῶν. καὶ θαυμάτων. τὸ γ' (?) ἀκαγκαιότατον καυτό...	Три вещи признаются свидѣтельствующими объ истинной святости въ людяхъ: 1) православіе безукоризненное. 2) совершеніе всѣхъ добродѣтелей, за которымъ слѣдуетъ противостояніе за вѣру даже до крови, и наконецъ 3) проявленіе Богомъ сверхъестественныхъ знаменій и чудесъ До сего мѣста переводъ, далѣе же слѣдуетъ перифразъ того, что у насъ изложено тоже перифразомъ подъ 3) Подлинный текстъ включаетъ трудно элиминируемыя обращенія къ латинянамъ.

Въ передачѣ проф Голубинскаго цыфра 3), кажется, поставлена ранѣе, чѣмъ она должна бы имѣть мѣсто, соотвѣтственно съ этимъ и въ греческомъ текстѣ γ' стоитъ два раза: предъ словами ἡ παρὰ Θεοῦ ἐπίδειξις въ скобкахъ и передъ словами ἀναγκαιότατον καυτό, гдѣ либо она должна быть лишней; вѣроятно, первое вставлено произвольно Къ сожалѣнію мы не имѣемъ подъ руками рѣдкой книги Нектарія для провѣрки разсматриваемаго мѣста, напечатаннаго у проф Голубинскаго съ нѣсколько неожиданной пунктаціей (см стр. 406, 407 и 28).

не было, поэтому замѣчаніе проф. Голубинскаго нисколько не ослабляетъ силы разсматриваемаго свидѣтельства.

Насколько послѣднему условію канонизаціи (нетлѣніе мощей или благоуханіе отъ костей) придавалось важное значеніе, показываетъ практика Аѳона, гдѣ подвижники причислялись къ святымъ по одному знаменію благоуханія отъ костей.

Для времени послѣ 1703 г. проф. Голубинскій не имѣетъ въ своемъ распоряженіи ни оффиціальныхъ, ни неоффиціальныхъ греческихъ источниковъ. Такое положеніе дѣлъ само по себѣ можетъ вызвать изумленіе, но послѣднее станетъ еще больше, если обратить вниманіе на то, какъ авторъ съумѣлъ выйти изъ затрудненія. «Правда, говоритъ онъ, мы не знаемъ общихъ свидѣтельствъ относительно сего (т. е. относительно основаній канонизаціи) за самое послѣднее время, но мы знаемъ такое свидѣтельство за вторую половину XVII вѣка (это—разсмотрѣнное свидѣтельство Нектарія) и полагать, чтобы съ того времени произошла перемѣна въ смыслѣ ослабленія требованій нѣтъ никакого основанія». Но истинѣ достойное изумленія положеніе о порядкѣ канонизаціи святыхъ въ греческой церкви въ недавнемъ прошломъ (напр. въ XIX в.) и въ настоящее время мы узнаемъ на основаніи свидѣтельства XVII вѣка!

Но если даже забыть на время объ этомъ оригинальномъ видѣ заключеній, то основаніями канонизаціи въ современной греческой церкви, согласно съ патріархомъ Нектаріемъ и вопреки проф. Голубинскому, придется признать, кромѣ православія (что составляетъ скорѣе необходимое предположеніе канонизаціи), во-первыхъ—добродѣтели или мученичество, во-вторыхъ—даръ чудотвореній и въ-третьихъ—(весьма требуется» — ἀναγκαιότατον) нетлѣніе мощей или благоуханіе отъ костей угодниковъ.

Относительно русской церкви въ книгѣ проф. Голубинскаго читается рѣшительное заявленія, что у насъ прославле-

ніе даромъ чудотвореній составляло «единственное общее основаніе для причтенія къ святымъ подвижниковъ всѣхъ классовъ или для всѣхъ вообще подвижниковъ» (стр. 40, 41); въ другомъ мѣстѣ повторяется, что единственнымъ общимъ основаніемъ для причтенія усопшихъ подвижниковъ благочестія къ лику святыхъ, иначе —для ихъ канонизаціи служило въ нашей церкви прославленіе подвижниковъ даромъ чудотвореній или еще при жизни... или, какъ это было наибольшею частью, по смерти.. (стр. 264). *) Это положеніе разъясняется такимъ образомъ: «когда мы говоримъ, что единственнымъ общимъ основаніемъ для причтенія усопшихъ подвижниковъ благочестія къ лику святыхъ служило въ нашей церкви прославленіе подвижниковъ даромъ чудотвореній, то мы разумѣемъ, что помимо сего условія или иначе какъ не подъ этимъ условіемъ усопшіе подвижники благочестія не были причисляемы въ нашей церкви къ лику святыхъ. Но съ другой стороны, кромѣ или сверхъ сего условія не требовалось еще второго условія, чтобы были обрѣтены нетлѣнныя мощи подвижниковъ» (стр. 270).

Насколько доказано это положеніе, подробно разсмотрѣлъ въ своей статьѣ проф. Суворовъ, поэтому мы ограничимся здѣсь только общимъ выводомъ этой статьи: проф Голубинскій убѣдительно доказалъ, что въ XVI и XVII вв. наша церковь канонизовала подвижниковъ благочестія на одномъ только основаніи, именно—на основаніи чудотвореній, но перенесеніе того же самаго порядка на все предшествующее время не можетъ быть принято, а аргументы, сюда относящіеся, нельзя считать достаточными. (Подробности см. въ цитир. стат. стр. 289—290).

Но и самъ проф. Голубинскій, рѣшительно отвергая необходимость нетлѣнія мощей въ качествѣ основанія для канонизаціи, не дѣлаетъ этого по отношенію къ святости

*) Только нѣкоторые святые (наприм кн. Владимиръ) были канонизованы, по исключенію изъ этого общаго правила, не на основаніи дара чудотвореній. Голубинскій стр. 41.

жизни подвижника. Онъ не соглашается съ мнѣніемъ, что въ концѣ XVII в. у насъ была сознана недостаточность чудесъ для доказательства святости угодника и что эту мысль высказалъ, опираясь на Никона Черногорца, соборъ 1678 г. по дѣлу Анны Кашинской. По взгляду проф. Голубинскаго дѣло слѣдуетъ представлять такъ «Никонъ говоритъ, а соборъ повторяетъ за нимъ, что чудеса бываютъ истинныя отъ Бога и ложныя, на прельщеніе людей, отъ діавола, и что когда нужно признать кого-либо святымъ, то надлежитъ смотрѣть, чтобы не принять послѣднихъ чудесъ за первыя и что для рѣшенія вопроса о томъ, какого рода чудеса, должна служить жизнь чудотворца, ибо истинныя чудеса можетъ творить только человѣкъ святой жизни» Самъ проф. Голубинскій такъ же различаетъ истинныя и ложныя чудеса и принимаетъ критерій Никона Черногорца для отличенія первыхъ отъ послѣднихъ. Такимъ образомъ если святость жизни (добродѣтели) въ дѣлѣ канонизаціи является, какъ необходимый prius чудесъ, и если ей повѣряются—истинны они или ложны, то отсюда очень недалеко до положенія, которое получило точную формулировку въ католической церкви. Грамотой архіепископа Холмогорскаго Аѳанасія отъ 1690 г. засвидѣтельствовано, что «издревле во святой православной вѣрѣ нашей обыкновя о святыхъ Божіихъ угодникахъ предлагатися о житіи и чудесахъ ихъ свидѣтельства достовѣрныя». (Голубинскій, стр. 268, прим. 1, ср. 428—429).

Какова была практика нашей церкви относительно основаній канонизаціи въ XVIII и XIX вв.? Для выясненія этого вопроса мы располагаемъ весьма цѣнными источниками, именно указами Св. Синода о канонизаціи святыхъ Димитрія Ростовскаго, Иннокентія Иркутскаго, Митрофана Воронежскаго, Тихона Задонскаго, Ѳеодосія Углицкаго и Ѳеодосія Тотемскаго. На основаніи этихъ документовъ можно съ несомнѣнностью установить положеніе, что кромѣ святости жизни и

чудесъ требовалось еще и нетлѣніе мощей, на что того послѣднее основаніе повидимому стало главнымъ.

Разсмотримъ здѣсь съ точки зрѣнія интересующаго насъ теперь вопроса канонизаціи поименованныхъ угодниковъ.

Дѣло о канонизаціи св. Димитрія Ростовскаго происходило въ такой послѣдовательности. 10 октября 1752 г. митрополитъ Ростовскій Арсеній Мацѣевичъ донесъ Св. Суноду, что 19 сентября того же года при ремонтѣ церкви Зачатія Пресвятыя Богородицы найденъ былъ гробъ святителя Димитрія. Сквозь раздавленную крышку гроба видны были нетлѣнно сохранившіеся покровъ, шапка и одѣяніе покойника. 21 сентября гробъ досмотрѣнъ самъ архіепископъ, и въ результатѣ освидѣтельствованія оказалось, что гробъ, за исключеніемъ возглавія, цѣлъ, одежды покойнаго святителя остались нетлѣнны, волосы на головѣ и бородѣ въ цѣлости, лицо почернѣло, у носа хряща не имѣется, глаза впали. 27 сентября снова осматривали гробъ по случаю подъема его изъ подъ пола, гдѣ онъ помѣщался, на верхъ и снова составлена была ботѣе подробная опись того, что оказалось въ гробу. Въ декабрѣ 1756 г. Св. Синодомъ назначена коммиссія, которой дано было порученіе—«покойнаго преосвященнаго Димитрія митрополита тѣло пристойнымъ образомъ осмотрѣть, и въ какомъ оное нынѣ состояніи находится описать, а потомъ получившихъ отъ того тѣла исцѣленіе людей допросить». Въ январѣ слѣдующаго года коммиссія осмотрѣла гробъ, одновременно съ этимъ она разслѣдовала и о совершавшихся при гробѣ святителя исцѣленіяхъ. Донося о результатахъ своей работы Св. Суноду, коммиссія заключила свое донесеніе мнѣніемъ, въ которомъ указывала, что хотя тѣло святителя Димитрія сохранилось только по мѣстамъ, но мѣстамъ же истлѣло, но исцѣленія, происходящія отъ мощей, истинны и неложны, а потому признавать святителя Димитрія за истиннаго угодника Божія достойно и праведно. Св. Синодъ въ своемъ докладѣ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ 17 марта

1757 г. также не преминулъ указать, что тѣло святителя Димитрія «черезъ 43 года обрѣтено не точію со многою, но и почти совсѣмъ съ отмѣнною отъ прочихъ погребенныхъ тѣлъ отличностью, ибо нѣкоторое токмо малое того тѣла въ разныхъ мѣстахъ нетлѣніе усмотрѣно, а въ прочемъ оное, также и имѣющаяся на немъ, тлѣнію подлежащая, одежда, евангеліе, четки и прочее почти всецѣло нашлось». (См. подлинные акты у Голубинскаго стр. 475—484).

Краткое изложеніе дѣла о канонизаціи святителя Димитрія Ростовскаго ясно даетъ знать, какое значеніе придавалось нетлѣнію мощей, вездѣ рѣчь о немъ на первомъ мѣстѣ, а затѣмъ уже о чудесахъ. Что касается святости жизни, то не было нужды въ особомъ изслѣдованіи о ней, такъ какъ вопросъ о канонизаціи святителя былъ поднятъ ранѣе, чѣмъ чрезъ 50 лѣтъ послѣ его смерти, когда жизнь его была еще на памяти у многихъ и при томъ не возбуждала какого-либо сомнѣнія (стр. 173—176)

Дѣло о канонизаціи св. Иннокентія Иркутскаго тоже началось по поводу обрѣтенія его нетлѣннаго тѣла (ок. 1755 г.). Въ 1800 г. два сенатора, бывшіе въ Иркутскѣ, донесли Государю о нетлѣнномъ тѣлѣ святителя и о чудесахъ, происходящихъ отъ того нетлѣннаго тѣла. Св. Синодомъ по иниціативѣ Государя былъ командированъ въ томъ же 1800 г. одинъ епископъ, чтобы онъ, вмѣстѣ съ епископомъ Иркутскимъ, осмотрѣлъ нетлѣнное тѣло и произвелъ дознаніе о чудесахъ. Архіереи два раза осматривали тѣло святителя Иннокентія—въ первый разъ съ нѣкоторыми только духовными лицами, а во второй при участіи гражданскаго губернатора Иркутска, нѣсколькихъ чиновниковъ, городского головы и многихъ изъ почетнаго купечества. Тогда же было произведено и дознаніе о чудесахъ. Неизвѣстно по какой причинѣ дѣло съ канонизаціей замедлилось и, по прошествіи двухъ лѣтъ, у Иркутскаго епископа было затребовано Св. Синодомъ дополнительныя свѣдѣнія—не было ли въ теченіе послѣднихъ лѣтъ ка-

кихъ-либо достопамятныхъ происшествій, кои бы могли служить вящшимъ подтвержденіемъ прежде представленнымъ, какое народное мнѣніе о нетлѣнномъ оном тѣлѣ и не примѣчено ли въ немъ какого измѣненія. Послѣ отвѣта епископа, Синодъ представилъ свое мнѣніе о канонизаціи Государю (см. выше стр. 12, 13).

Поводомъ къ канонизаціи святителя Митрофана Воронежскаго было тоже обрѣтеніе его нетлѣннаго тѣла. Къ осмотру послѣдняго и дознанію о чудесахъ было присоединена еще справка на основаніи подлиннаго завѣщанія святителя, которое открывало «нѣкоторыя черты житія его» и представляло «изліяніе благочестиваго, смиреннаго, ревностью о спасеніи паствы исполненнаго, духа его». (Голубинскій, стр. 177—178).

Почти тожественна съ предыдущими по разсматриваемымъ теперь моментамъ и канонизація святителя Тихона Задонскаго. Случайное открытіе мощей, дознаніе объ ихъ нетлѣнности и о чудесахъ, происходящихъ при мощахъ... затѣмъ, «Синодъ, разсмотрѣвъ во всей подробности и со всевозможнымъ тщаніемъ всѣ вышеизложенныя обстоятельства, пришелъ къ полному убѣжденію въ истинѣ нетлѣнія тѣла святителя Тихона и въ достовѣрности чудесъ, чрезъ него совершавшихся, и, воздавъ хвалу дивному во святыхъ своихъ Господу Богу» (изъ указа Св Синода 20 іюня 1861 г.). поднесъ Государю всеподданнѣйшій докладъ о канонизаціи святителя. (Ibid. стр. 179—182).

Въ буквально тожественной съ предыдущей формѣ составленъ Синодальный докладъ и о канонизаціи Ѳеодосія Угличскаго (стр. 185).

Что же касается Ѳеодосія Тотемскаго, то главный вопросъ, который предстояло рѣшить здѣсь высшей церковной власти, повидимому, касался подлинности найденныхъ останковъ, т. е. принадлежности ихъ святому, или, какъ несовсѣмъ складно выразились жители г. Тотьмы въ своемъ прошеніи

Св. Суноду «объ утвержденіи обрѣтеннаго тѣла мощами преподобнаго Ѳеодосія». Все дѣло (конца XVIII в.) велось по этому вопросу и можетъ быть разсматриваемо, какъ попытка канонизаціи къ общему празднованію, встрѣтившее препятствіе въ сомнительности обрѣтенныхъ мощей.

Не осталось безъ слѣда въ русской церкви и высказанная патріархомъ Нектаріемъ мысль о благоуханіи костей. Патріархъ выставляетъ его, какъ одно изъ условій канонизаціи альтернативно съ нетлѣніемъ тѣла, а у насъ, кажется, оно считалось однимъ изъ признаковъ мощей святого. Такъ, по дѣлу о мощахъ Варлаама Керетскаго, архіепископъ Холмогорскій Варнава получилъ два несогласныя другъ съ другомъ донесенія—одно отъ соловецкаго іеромонаха, а другое отъ священника Керетской волости. Несогласны были эти донесенія, между прочимъ, и по вопросу о благоуханіи отъ открытыхъ мощей. По первому, «обрѣли преподобнаго Варлаама въ часовнѣ, въ землѣ глубиною аршина въ полтора не во гробѣ, но просто лежаща, токмо одежда на немъ монашеская обветшала, а во оныхъ (одеждахъ?) кости ветхія и основаніе и подобіе все человѣческое, кромѣ благоуханія, якоже и прочихъ усопшихъ кости лежатъ, и оныя вложа въ новопостроенный гробъ и внесли и поставили въ церковь великомуч. Георгія и покрыли доскою и запечатали». По другому донесенію, «преп. Варлаама изъ земли выкопали и обрѣли въ Поморсой керёжкѣ (лопарскія сани), облеченъ въ черномъ русскомъ кафтанѣ, и оная керёжка вся изгнила, а кафтанъ и мощи его и на главѣ его власы и брада—все цѣло; а благоуханія тогда въ часовнѣ никакого не было, а какъ оныя его мощи изъ земли вынули и внесли въ церковь великомуч. Георгія, а изъ церкви въ олтарь, и оный іеромонахъ Іона (которому принадлежитъ первое донесеніе) съ десятскимъ досматривали, и тогда отъ мощей его благоуханіе было видимо (?) всѣмъ, подобно тому, аки бы отъ росного ладану дымъ и тогда онъ священникъ Василій и дьячекъ

Игнатій, сказывали и говорили оному іеромонаху Іоиѣ: исходитъ де отъ мощей преподобнаго благоуханіе, и онъ іеромонахъ имъ говорилъ: исходитъ де отъ горна дымъ, а не благоуханіе». Очевидно, при открытіи мощей не маловажнымъ вопросомъ считалось есть или нѣтъ отъ костей благоуханіе; несмотря на сухость и краткость изложенія этого эпизода въ оффиціальныхъ бумагахъ замѣтно, что по вопросу о благоуханіи была нѣкоторая оживленная дискуссія, между открывавшими мощи. (Голубинскій, 452).

Въ церемоніалѣ, присланномъ по указу Св. Сунода отъ епископа Арсенія Вологодскаго и Устюжскаго для обслѣдованія новообрѣтенныхъ въ нѣдрахъ земныхъ нетлѣнныхъ мощей преп. Феодосія Тотемскаго, коммиссіи по прибытіи ея въ г. Тотьму, между прочимъ, есть одно замѣчаніе, касающееся разсматриваемаго теперь вопроса. 14 ноября 1796 г. коммиссія свидѣтельствовала мощи преп. Ѳеодосія, при чемъ оказалось, что «благоуханіе каждаго члена и каждой кости столько чувствительно обонянію, что и языкъ подробно сказать не можетъ, онымъ вся обитель всегда (?) преисполнена» (стр. 489).

Относительно мощей Иннокентія Иркутскаго въ указѣ Св. Сунода отъ 1 декабря 1804 г. говорится, что отъ нихъ «происходитъ благовонный запахъ, мощамъ свойственный и многими (?) ощущаемый». (Стр 307—308).

О томъ же благоуханіи, повидимому, идетъ рѣчь въ книгѣ: Житіе иже во святыхъ отца нашего Тихона, епископа Воронежскаго, Задонскаго и всея Россіи чудотворца Изд. 7. СПБ. 1874 г, по которой проф. Голубинскій приводитъ описаніе открытія мощей св. Тихона. При открытіи мощей во время всенощной, по словамъ автора житія, «въ церкви распространилось благоуханіе, услаждающее душу». Когда мощи святителя обносились вокругъ церкви, то «многіе ощущали на дальнемъ разстояніи благоуханіе». Но читатель оставленъ въ невѣдѣніи, было ли это благоуханіе отъ мощей и,

слѣдовательно, чудеснаго происхожденія. (Голубинскій стр. 504, 506).

На стр. 271 своей книги проф. Голубинскій замѣчаетъ, что хотя всѣ пять святыхъ, канонизованныхъ въ сунодальный періодъ къ общему празднованію, канонизованы были одновременно съ тѣмъ, какъ открыты были ихъ мощи, однако общаго положенія, чтобы для причтенія къ лику общихъ святыхъ требовалось нетлѣніе мощей, ни при одномъ изъ пяти случаевъ канонизаціи Св. Сунодъ не высказывалъ, и такимъ образомъ изъ пяти случаевъ канонизаціи, повидимому, не слѣдуетъ того заключенія, чтобы относительно канонизаціи святыхъ къ общему празднованію Св. Сунодъ предъявлялъ новое требованіе. Это замѣчаніе, даже и въ той перѣшительной формѣ, какая придана ему словомъ «повидимому», могло бы имѣть нѣкоторую убѣдительность лишь въ томъ случаѣ, если бы Сунодъ когда-либо высказывалъ по данному вопросу какія-либо строго формулированныя требованія не по отношенію къ отдѣльнымъ конкретнымъ случаямъ, а въ видѣ общей нормы. По интересующему насъ теперь вопросу мы имѣемъ дѣло съ обыкновеніемъ, а не съ юридически-оформленнымъ институтомъ, поэтому что-нибудь одно: или во всѣхъ пяти случаяхъ канонизаціи къ общему празднованію обрѣтеніе нетлѣнныхъ мощей случайность, или совпаденіе обрѣтенія нетлѣнныхъ мощей и канонизацій постоянный порядокъ. Трудно допустить первое положеніе. Но во всякомъ случаѣ, если ставить вопросъ о юридическомъ порядкѣ, то, не имѣя ни одного узаконенія, въ которомъ излагались бы основанія канонизаціи вообще, мы не можемъ сказать ничего положительнаго объ этихъ признаваемыхъ и принимаемыхъ Св. Сунодомъ основаніяхъ. Оставляемъ въ сторонѣ всѣ случаи канонизаціи къ мѣстному празднованію, такъ какъ выяснить ихъ основанія сколько-нибудь опредѣленно съ юридической точки зрѣнія не представляется возможнымъ.

Изъ разсмотрѣнныхъ фактовъ можно сдѣлать слѣдующіе

выводы по отношенію къ восточной церкви. Реквизиты канонизаціи въ древне-греческой церкви представляются далеко невыясненными: кромѣ мучениковъ, святителей, а также царей и царицъ, оказавшихъ церкви значительныя услуги.— которые канонизовались—первые на основаніи факта мученичества, вторые на основаніи святительства и послѣдніе на основаніи оказанныхъ ими церкви услугъ, причислялись къ лику святыхъ и простые подвижники, но по какимъ основаніямъ—положительно неизвѣстно, предположительно—такими основаніями были: святость жизни и даръ чудотвореній. Въ позднѣйшей греческой церкви основаніями канонизація служили: святость жизни (добродѣтели) и чудотворенія, а со второй половины XVII в. кромѣ того нетлѣніе мощей или благоуханіе отъ костей. Канонизація святителей, царей и царицъ подведена была подъ общій порядокъ причтенія къ святымъ подвижниковъ благочестія. Относительно основаній канонизаціи въ русской церкви до Макаріевскихъ соборовъ опредѣленнаго порядка научно не установлено. Съ Макаріевскихъ соборовъ такими основаніями были чудеса и потомъ святость жизни. Въ XVIII и XIX в.в. на ряду съ святой жизнью и даромъ чудотвореній придавалось весьма ~~важное~~ значеніе нетлѣнію мощей.

Что касается болѣе подробныхъ требованій, относящихся къ святости жизни или чудесамъ, то о нихъ, за отсутствіемъ необходимыхъ указаній источниковъ, ничего не можетъ быть сказано положительнаго. Какія добродѣтели имѣлись въ виду при канонизаціи, какъ ея основанія или условія, мы не знаемъ. Встрѣчающееся въ грамотѣ патріарха Гавріила упоминаніе о подвигахъ свыше смертнаго естества (ὑπὲρ φύσιν βροτείαν) и дѣяніяхъ сверхчеловѣческихъ (πάξεις ὑπὲρ ἄνθρωπον) представляетъ, повидимому, отраженіе въ практикѣ греческой церкви католическаго порядка, но это упоминаніе стоитъ совсѣмъ особнякомъ, чтобы можно было

говорить о рецепціи римско-католической регламентаціи одного изъ условій причтенія къ лику святыхъ.

Нѣтъ равнымъ образомъ какихъ-либо положительныхъ опредѣленій о количествѣ чудесъ. Проф. Голубинскій говоритъ иногда, что такой-то святой прославился чудесами недостаточно, чтобы быть канонизованнымъ къ общему или мѣстному празднованію (стр. 117 объ Іосифѣ Волоцкомъ, стр. 267—268 о патріархѣ Іовѣ), но какое количество считалось или должно было считаться достаточнымъ для этого—не указываетъ и указать не можетъ. Источники, особенно житія, чаще всего указываютъ на многочисленность, иногда даже на безчисленность чудесъ, но ничего не говорятъ о минимальномъ ихъ количествѣ, необходимомъ для канонизаціи. Въ новѣйшихъ канонизаціяхъ (XIX в.) встрѣчаются и числовыя данныя. Изъ актовъ канонизаціи св. Иннокентія Иркутскаго видно, что всего было записано 85 чудесъ (сперва 61 и потомъ 24), при канонизаціи св. Тихона Задонскаго обслѣдовано за періодъ времени съ 1820 г. по январь 1861 г. 48 чудесъ, при канонизаціи Ѳеодосія Угличскаго—49. Вывести изъ этихъ цыфръ какое-либо нормативное положеніе не представляется сколько-нибудь возможнымъ. Съ одной стороны, есть примѣръ, когда 4 хъ чудесъ оказалось недостаточно для канонизаціи не только къ общему, но и къ мѣстному празднованію (см. выше цитир. стр. 267—268 прим. 1 о патріархѣ Іовѣ); но, съ другой стороны, есть примѣръ, гдѣ наличность 200 записанныхъ чудесъ не возбуждала вопроса о канонизаціи хотя бы къ мѣстному празднованію (стр. 338 о Питиримѣ, епископѣ Тамбовскомъ). Въ виду такихъ фактовъ вполнѣ понятна та неопредѣленность, съ какой проф Голубинскій трактуетъ этотъ вопросъ въ своей книгѣ—онъ говоритъ то о «значительномъ количествѣ» чудесъ, то о «нѣкоторомъ ихъ количествѣ» (стр. 279). Но совсѣмъ непонятно предположеніе, будто въ нашей церкви «практикой было установлено какое-либо правило относительно

того, послѣ какого количества чудесъ дозволено было возбуждать ходатайство о причтеніи подвижника къ лику святыхъ» (стр. 282); въ примѣчаніи къ этому мѣсту указывается на порядокъ латинской церкви. Предположеніе почтеннаго ученаго едва ли имѣетъ какое-нибудь основаніе, кромѣ желанія видѣть правила тамъ, гдѣ никакихъ правилъ не существовало.

Нельзя не отмѣтить также, хотя и случайно сдѣланнаго замѣчанія о чудесахъ, что подъ ними разумѣются «чудесныя исцѣленія при гробахъ подвижниковъ отъ разныхъ болѣзней (стр. 283). Почему автору угодно было съузить такъ сферу проявленія чудотворной силы подвижниковъ и дать ей исключительно терапевтическій характеръ—остается неразъясненнымъ. Въ самой книгѣ приведено не мало чудесъ совершенно другого характера.

III.

Установленіе реквизитовъ канонизаціи и самый актъ канонизаціи предполагаютъ опредѣленныя формы, въ которыхъ они совершаются. Разсмотримъ эти формы сначала въ католической церкви, затѣмъ въ православной.

Канонизаціи (въ тѣсномъ смыслѣ слова) въ католической церкви предшествуетъ беатификація. Послѣдняя слагается изъ двухъ элементовъ—1) подготовительной стадіи, состоящей изъ установленія реквизитовъ беатификаціи и 2) самаго акта беатификаціи. Общая форма первой стадіи—сословительный процессъ, матеріалъ для котораго добывается слѣдственнымъ порядкомъ.

Первый подготовительный процессъ ведется предъ епископомъ (ординаріемъ) мѣста, гдѣ погребенъ умершій, о беатификаціи котораго возбуждается дѣло. Инициатива беатификаціи исходитъ не отъ церковной власти, а отъ частныхъ

лицъ, которые желаютъ начать процессъ, выступить въ качествѣ судебной стороны (postulatores). Лица, заинтересованныя въ установленіи культа умершаго подвижника, не только могутъ, но и имѣютъ право возбудить дѣло о беатификаціи его. Процессъ ведется не непосредственно ими, а чрезъ выбраннаго ими повѣреннаго (procurator), который подаетъ особое прошеніе ординарію о началѣ процесса, представляетъ сторону въ теченіе процесса и заботится о препровожденіи къ папскому престолу актовъ производства по окончаніи его у епископа. Другой стороной въ процессѣ является promotor fiscalis: его обязанность состоитъ въ опроверженіи ex officio доводовъ, приводимыхъ прокураторомъ Дѣло разсматривается или епископомъ, или его генеральнымъ викаріемъ, или особымъ делегатомъ. Секретарскія функціи исполняются епископскимъ нотаромъ (канцлеромъ). Promotor fiscalis и нотаръ приносятъ присягу въ вѣрномъ исполненіи своихъ обязанностей (de officio fideliter exercendo).

Подготовительный процессъ у мѣстнаго епископа распадается на 1) спеціальный процессъ de non cultu vel de paritione decretorum и 2) общій процессъ de sanctitate vitae (virtutibus) et miraculis.

Спеціальный процессъ требуется въ виду того, что особыми декретами папы Урбана VIII (13 марта и 2 октября 1625 г.) публичный культъ умершаго подвижника ранѣе его беатификаціи запрещенъ; высшее учрежденіе, къ компетенціи котораго принадлежатъ канонизація и беатификація, не можетъ принять дѣла къ своему разсмотрѣнію, если публичный культъ уже установился. Предъ судомъ ординарія въ этой стадіи процесса должно быть доказано отсутствіе публичнаго культа или иначе соблюденіе упомянутыхъ сейчасъ декретовъ, откуда и самое названіе разсматриваемаго процесса—de non cultu vel de paritione decretorum. Доказательство въ этой стадіи процесса представляютъ postulatores чрезъ своего procurator'a; послѣднему ex officio оппонируетъ promotor. Къ дока-

зательствамъ относится также предпринимаемое judex'омъ посѣщеніе могилы (visitatio sepulcri) лица, о беатификаціи котораго идетъ дѣло,—съ цѣлью выясненія на мѣстѣ, что здѣсь нѣтъ никакихъ знаковъ публичнаго религіознаго культа умершаго.

Изложенныя правила не примѣняются къ тѣмъ умершимъ, которые почитаются либо всей церковью, либо съ незапамятнаго времени, либо на основаніи писаній свв. отцевъ и мужей, либо, наконецъ, съ вѣдома и допущенія въ теченіе долгаго времени со стороны папскаго престола или мѣстнаго епископа. *) Если на лицо одинъ изъ такихъ случаевъ, то это должно быть констатировано особымъ производствомъ и постановленіемъ ординарія. Процессъ, имѣющій здѣсь мѣсто, называется processus super casu excepto; однако онъ не требуется, если относительно культа есть папскій индультъ, или папа диспензируетъ отъ этого процесса.

Послѣ спеціальнаго слѣдуетъ общій процессъ. Лица, требующія беатификаціи (postulatores), должны представить чрезъ своего procurator'а доказательства установленныхъ добродѣтелей и надлежащаго количества чудесъ. И здѣсь доводы procurator'а оспариваются ex officio promotor'омъ. По изготовленіи актовъ настоящаго процесса, ординарій присоединяетъ къ нимъ свое заключеніе относительно дѣла и о личности свидѣтелей. Этимъ оканчивается дѣятельность епископа и производство на мѣстѣ. Подлинные акты, по снятіи съ нихъ копій, препровождаются въ отдѣльныхъ пакетахъ въ Римъ, въ Congregatio rituum. Съ перенесеніемъ дѣла въ центральное учрежденіе начинается вторая стадія подготовительнаго процесса.

---

*) qui aut per communem ecclesiae consensum vel immemorialis temporis cursum aut per patrum virorumque sanctorum scripta vel longissimi temporis scientia ac tolerantia Sedis apostolicae vel ordinarii colunter (Декретъ Урбана VIII отъ 13 марта 1625 г. цит у Hinschius'a Op cit. S 253 Anm 7) Незапамятное время (immemoriale tempus), такъ же какъ и время оч. долгое (longissimum t.), согласно съ аутентическимъ толкованіемъ, должно быть понимаемо какъ періодъ времени въ 100 лѣтъ.

Для веденія дѣла въ Конгрегаціи обрядовъ postulatores выбираютъ особаго procurator'a, просятъ о распечатаніи актовъ и о назначеніи кардинала-релятора (докладчика). Однако это допускается, если только не послѣдуетъ особаго разрѣшенія папы, не ранѣе 10 лѣтъ послѣ поступленія актовъ, составленныхъ на мѣстѣ. Такъ какъ беатификація и канонизація разсматриваются, какъ публичныя дѣла церкви, то уважаемые и авторитетные члены церкви, какъ напримѣръ государи, присоединяютъ свои просьбы. Затѣмъ слѣдуетъ commissio introductionis causae, т. е. формальная передача папой дѣла Конгрегаціи обрядовъ для предварительнаго разсмотрѣнія. Въ ординарномъ засѣданіи послѣдней публикуется декретъ о вскрытіи актовъ и о назначеніи папой кардинала-докладчика. Въ ближайшемъ ординарномъ засѣданіи Конгрегаціи кардиналъ-ревизоръ докладываетъ о главномъ содержаніи актовъ и о соблюденіи при производствѣ дѣла существенныхъ формальностей. Въ слѣдующемъ за тѣмъ засѣданіи послѣ подробнаго доклада кардинала-релятора, который предварительно выслушиваетъ promotor'a fidei ставится вопросъ о принятіи дѣла къ разсмотрѣнію (an locus sit admissionis). Въ случаѣ утвердительнаго вотума папа даетъ полномочіе на веденіе всего процесса въ конгрегаціи обрядовъ. Конгрегація, вслѣдствіе этого полномочія, прежде всего провѣряетъ въ присутствіи procurator'a и promotor'a fidei процессъ super non cultu, веденный мѣстнымъ епископомъ. По предложенію кардинала-релятора рѣшается вопросъ, утвердить ли постановленіе епископа или отвергнуть (an sententia ordinarii N de non cultu confirmanda sit vel infirmanda). Если противъ процесса нѣтъ возраженій, то постановляется рѣшеніе утверждается, если послѣдуетъ соизволеніе папы (affirmative, si videbitur sanctissimo). Когда папа даетъ свое утвержденіе, то послѣ дальнѣйшаго доклада кардинала-релятора и послѣ выслушанія promotor'a fidei, обсуждается на основаніи производства ординарія вопросъ: слѣдуетъ ли предпринять общее разслѣдо-

ваніе по дѣлу о данной беатификаціи (an sint concedendae literae remissoriales et commissoriales et compulsoriales ad effectum conficiendi processum super sanctitate vitae, virtutibus et miraculis servi Dei N in genere). Утвержденіемъ папою постановленія по этому вопросу оканчивается предварительное производство и, въ случаѣ положительнаго постановленія, начинается собственно-беатификаціонный процессъ.

Первая стадія собственно-беатификаціоннаго процесса представляетъ предпринимаемую Конгрегаціей на основаніи папскаго полномочія генеральную инквизицію (inquisitio generalis) о жизни, славѣ святости, добродѣтеляхъ и чудесахъ подвижника. Конгрегація на основаніи состоявшагося постановленія посылаетъ literae remissoriales et compulsoriales in genere епископамъ округовъ, гдѣ беатифицируемый servus Dei жилъ, умеръ, совершалъ чудеса и гдѣ вообще можно узнать что-либо о жизни его, при чемъ прилагаются пункты, подлежащіе доказательству и отдѣльные вопросы. Это изслѣдованіе имѣетъ цѣлью добыть прочное основаніе для дальнѣйшаго производства, такъ какъ заключенія мѣстнаго епископа, касающіяся тѣхъ же самыхъ предметовъ имѣютъ только провизорный характеръ и служатъ не болѣе какъ средствомъ ознакомленія папы, которому одному принадлежитъ рѣшеніе вопроса—слѣдуетъ ли давать движеніе начатому дѣлу. При генеральной инквизиціи ставятся вопросы вообще о славѣ святости и о почитаніи въ извѣстныхъ дозволенныхъ границахъ, а не о спеціальныхъ требованіяхъ для беатификаціи (каковыми являются героическія добродѣтели и чудеса). По поступленіи подлежащаго производства въ Конгрегацію обрядовъ, въ состязательной формѣ выясняется вопросъ—правильно ли съ формальной стороны произведено дознаніе (an constet de validitate processus remissorialis et compulsorialis in genere, an testes in eo sint rite et recte examinati et an jura in eo producta sint rite compulsata, in casu et ad effectum de quo

agitur). Если процессъ ведется правильно, то въ слѣдующемъ засѣданіи, въ которомъ прежде всегда присутствовалъ папа, обсуждается матеріальный результатъ процесса въ смыслѣ достаточности его для дальнѣйшаго направленія дѣла, именно спеціальнаго обслѣдованія основаній для беатификаціи (an constet de relevantia processus remissorialis super fama sanctitatis, virtutum et miraculorum in genere et ad effectum dandi remissoria in specie). При положительномъ рѣшеніи этого вопроса, процессъ вступаетъ во вторую стадію.

Въ этой своей стадіи онъ имѣетъ цѣлью установить героическую степень теологическихъ и моральныхъ добродѣтелей, а также наличность по крайней мѣрѣ двухъ чудесъ. Для настоящей цѣли соотвѣтствующимъ ординаріямъ разсылаются remissoriales in specie. По полученіи производства отъ ординаріевъ Конгрегація такъ же, какъ и въ первой стадіи процесса, сначала обсуждаетъ формальную правильность этого спеціальнаго процесса. Такъ какъ въ виду предписаній декреталовъ папы Урбана VIII (1623—1644) беатификація не можетъ быть ранѣе 50 лѣтъ послѣ смерти беатифицируемаго, то если бы на лицо такой случай, то акты запечатываются и движеніе дѣла пріостанавливается; послѣ истеченія указаннаго срока, дѣло возобновляется только по особому распоряженію папы. Если же беатификація не встрѣчаетъ препятствія съ этой стороны, т. е. въ томъ обстоятельствѣ, что со дня смерти беатифицируемаго не прошло узаконеннаго времени, то слѣдуетъ засѣданіе Конгрегаціи обрядовъ подъ предсѣдательствомъ папы для рѣшенія вопросовъ: 1) доказаны ли добродѣтели (an constet de virtutibus theologalibus: fide, spe et charitate, et cardinalibus, prudentia, justitia, fortitudine et temperantia) 2) доказаны ли чудеса и какія (an et de quibus miraculis constet) Этимъ заканчивается изслѣдованіе основаній беатификаціи. Но въ новое время папа обыкновенно созываетъ полупубличную консисторію (consistorium semipublicum), въ которой, кромѣ кардиналовъ, участвуютъ пре-

тары, присутствующіе въ данное время въ Римѣ. Здѣсь ставится вопросъ, безопасно ли при доказанности добродѣтелей и чудесъ приступить къ беатификаціи (an stante probatione virtutum et miraculorum tuto procedi possit ad indultum beatificationis)—моментъ, представляющій простую формальность.

Наконецъ, папа дѣлаетъ постановленіе о беатификаціи и Secretaria brevium изготовляетъ соотвѣтствующее бреве.

Канонизаціонный процессъ аналогиченъ съ беатификаціоннымъ и ведется такъ же въ состязательной формѣ. Начинается онъ ходатайствомъ и подачей меморіала прокураторомъ постуляторовъ въ Конгрегацію обрядовъ. Послѣ доклада въ Конгрегаціи, папа, если онъ соглашается на возбужденіе дѣла, даетъ ей порученіе (commissio) на это. Такъ же какъ при беатификаціи собираются необходимыя свѣдѣнія чрезъ подлежащихъ ординаріевъ. Послѣ поступленія въ Конгрегацію производства послѣднихъ, оно провѣряется съ точки зрѣнія его формальной правильности и по отношенію къ его матеріальнымъ результатамъ. При благопріятномъ для канонизаціи исходѣ этихъ моментовъ процесса и по утвержденіи папой, дѣло переходитъ во вторую стадію производства. Папа составляетъ тайную консисторію, въ которой сообщаетъ свое рѣшеніе канонизовать блаженнаго и спрашиваетъ ихъ совѣта. Затѣмъ собирается публичная консисторія, здѣсь advocatus consistorialis дѣлаетъ докладъ о предстоящей канонизаціи. Наконецъ, въ полупубличной консисторіи, при участіи всѣхъ прелатовъ, находящихся въ данное время въ Римѣ, папой постановляется окончательное рѣшеніе о канонизаціи, послѣ совѣщанія съ кардиналами и присутствующими епископами.

Опубликованіе актовъ канонизаціи, равно какъ и беатификаціи совершается съ особымъ торжествомъ по спеціальному чину. (Hinschius. Op. cit. SS. 252 255 Anm. 7 и 2 ср. сокращ. изложк. въ цитир. ст. проф. Суворова, стр. 266—268).

Рядомъ съ описаннымъ порядкомъ беатификаціи и канонизаціи, который называется beatificatio, canonisatio formalis, существуетъ и иной порядокъ папа, безъ предшествующаго формальнаго производства и безъ торжественныхъ обрядностей, распоряжается о празднованіи святому или блаженному, когда не подвергаются сомнѣнію героическія добродѣтели или мученичество канонизуемаго или беатифицируемаго и признается народомъ продолжающаяся чудотворная сила (canonisatio, beatificatio aequipollens). Canonisatio или beatificatio aequipollens имѣютъ мѣсто, между прочимъ, при наличности объясненныхъ раньше casus excepti. Если ординарій, въ сомнѣніи относительно культа святого или блаженнаго, обращается къ папскому престолу съ ходатайствомъ объ утвержденіи уже существующаго культа, а папа по совѣщаніи съ Конгрегаціей обрядовъ даетъ благопріятное для культа рѣшеніе, то это—canonisatio или beatificatio aequipollens. (Hinschius. Op. cit. SS. 256. 257).

Изъ обозрѣнія беатификаціоннаго и канонизаціоннаго процессовъ въ католической церкви выясняется строгая и детальная юридическая регламентація каждаго, такъ сказать, шага въ этой области и затѣмъ послѣдовательное проведеніе состязательнаго начала, чему, конечно, не противорѣчитъ inquisitio generalis, посредствомъ которой собираются данныя для процесса.

Но въ формѣ судебнаго процесса производится только изслѣдованіе реквизитовъ беатификаціи или канонизаціи; что же касается вопроса—какую форму имѣютъ самые акты канонизаціи и беатификаціи, т. е. представляютъ ли они законы (въ формальномъ значеніи термина) или акты въ порядкѣ управленія, то на этотъ вопросъ не можетъ быть данъ сколько нибудь опредѣленный и рѣшительный отвѣтъ, такъ какъ въ католическомъ церковномъ правѣ нѣтъ строгихъ и точныхъ границъ между законодательными функціями и функціями управленія, равно какъ нѣтъ опредѣленно установленныхъ

признаковъ, отличающихъ акты законодательные отъ актовъ административныхъ.

Послѣ Ватиканскаго собора, догматизировавшаго непогрѣшимость папы in rebus fidei ac morum, по отношенію къ актамъ канонизаціи и беатификаціи возможенъ вопросъ, должно ли приписывать имъ предикатъ непогрѣшимости. Еще до Ватиканскаго собора на этотъ вопросъ относительно канонизаціи отвѣчалъ утвердительно папа Бенедиктъ XIV (1740—1758) въ своемъ капитальномъ сочиненіи De servorum Dei beatificatione et beatorum canonisatione, изъ позднѣйшихъ канонистовъ того же мнѣнія держатся Ангелисъ, Гинніусъ. Но, повидимому, это не общее мнѣніе канонистовъ *). Относительно же беатификаціи должно сказать, что по самой сущности своей, какъ допущеніе, разрѣшеніе культа она не можетъ имѣть предиката непогрѣшимаго акта.

Въ вопросѣ о формѣ канонизаціи въ восточной церкви приходится ограничиться только русской православной церковью, за недостаточностью данныхъ для церкви греческой. Въ какой же формѣ совершалась и совершается канонизація въ русской церкви, въ частности—въ какой формѣ излѣдуются реквизиты канонизаціи и какую форму имѣетъ самый актъ канонизаціи?

Проф. Голубинскій признаетъ постоянно соблюдавшимся порядокъ, по которому сначала записывали чудеса и доносили о нихъ начальству, затѣмъ производилось церковной властью дознаніе о достовѣрности чудесъ и, наконецъ, слѣдовала самая канонизація. По отношенію къ дознанію о чудесахъ или «обыску» авторъ не допускаетъ какого-либо развитія или усложненія. обыскъ «оставался у насъ однимъ и тѣмъ же

*) Въ цитир ст. проф. Суворова приводится мнѣніе Laemmer'a (Institutionen des kathol. Kirchenrechts 92 S 157), различающаго папскія канонизаціи отъ папскихъ непогрѣшимыхъ сужденій in rebus fidei ac morum. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ подъ руками этой книги, что бы подробнѣе выяснить точку зрѣнія Laemmer'a.

съ древняго и до позднѣйшаго времени, какъ остается все тѣмъ же и въ настоящее время». (стр 284 прим.).

Проф. Суворовъ (цит. ст. стр. 292—293) справедливо указываетъ на неправильность употребленнаго здѣсь пріема, состоящаго въ рѣшительномъ заключеніи отъ позднѣйшаго времени къ древнѣйшему. Множество фактовъ, заключающихся въ книгѣ проф. Голубинскаго разбиваютъ его выводъ: признать для древнѣйшаго періода исторіи канонизаціи въ русской церкви твердымъ и всегда соблюдавшимся описанный порядокъ не представляется возможнымъ. Источниками отмѣчено нѣсколько случаевъ, когда чудеса безъ всякаго предварительнаго обыска, вслѣдъ за ихъ оглашеніемъ сопровождались колокольнымъ звономъ и церковнымъ торжествомъ, бывало такъ же, что возвѣщали великому князю и митрополиту о чудесахъ, а они съ епископами, архимандритами, игуменами и со всѣми соборы или со псалмопѣніемъ, и со свѣщами, и съ кандилы на мѣсто погребенія новоявленнаго чудотворца, творили ему здѣсь молебное пѣніе и праздновали свѣтло; но бывало и такъ, что власти встрѣчали извѣстіе о новомъ чудѣ довольно скептически и не велѣли «звонити и всему городу славити» новаго чудотворца; при этомъ источники ничего не говорятъ о томъ, чтобы производилось какое либо дознаніе (Голубинскій, стр. 280—281 прим), иногда подвижники «становились святыми безъ нарочитой канонизаціи», «сами собой» (Ibid. стр. 294). Послѣдніе случаи и многочисленные подобные же случаи установленія мѣстнаго празднованія могутъ быть отожествляемы съ casus excepti въ католической церкви. Здѣсь дознаніе о чудесахъ или обыскъ и не могъ имѣть мѣста.

Признавая тожество дознанія о чудесахъ или обыска во всѣ времена исторіи нашей церкви, проф. Голубинскій тѣмъ не менѣе дѣлитъ исторію канонизаціи русскихъ святыхъ по отношенію къ строгости дознанія о чудесахъ на два періода: отъ начала христіанства до собора 1667 г. и

отъ собора 1667 г. до настоящаго времени. Едва ли можно видѣть въ этомъ какое-либо противорѣчіе: строгость можетъ быть различной при тожествѣ существа и структуры самаго обыска. Но какой характеръ или какую структуру имѣлъ обыскъ—объ этомъ проф. Голубинскій ничего не говоритъ. Былъ ли папъ обыскъ, какъ въ католической церкви, построенъ на началахъ судебнаго изслѣдованія, что по самой сущности дѣла связано съ установленіемъ для него въ законѣ опредѣленныхъ формъ, или онъ былъ административнымъ актомъ, существо котораго не требуетъ непремѣнно опредѣленныхъ формъ.

На этотъ вопросъ обращено вниманіе проф. Суворовымъ. По его мнѣнію, «какъ на западѣ канонизаціонная процедура сложилась на общей процессуальной почвѣ съ чертами состязательнаго судопроизводства, такъ и у насъ процедура сложилась на общей же судопроизводственной почвѣ, принявъ характеръ обыскной, иначе говоря, слѣдственный». Затѣмъ предложена такая періодизація исторіи развитія канонизаціонной процедуры съ точки зрѣнія характера дознанія о чудесахъ: первый періодъ—время приблизительно до XV в., когда никакого формальнаго обыска не производилось, и второй періодъ—позднѣйшее время, тогда обыскъ сдѣлался необходимымъ условіемъ, предшествующимъ канонизаціи. (стр. 293, 294).

Такимъ образомъ, проф. Суворовъ, повидимому, конструируетъ наше дознаніе о чудесахъ параллельно съ порядкомъ католической церкви на началахъ судопроизводства и характеризуетъ его какъ слѣдственный процессъ, но относитъ эту характеристику ко времени послѣ XV в. На вопросъ—какой характеръ носила канонизаціонная процедура въ этой своей части до XV в.—дается отвѣтъ указаніемъ на отсутствіе въ ней какого-либо порядка.

Нельзя не пожалѣть о томъ, что проф. Суворовъ не указалъ тѣхъ основаній, на которыя опирается его конструк-

ція. Въ настоящемъ же своемъ видѣ она не можетъ не возбуждать сомнѣнія.

Прежде всего, слово: обыскъ (сыскъ), кромѣ спеціальнаго значенія—судебнаго изслѣдованія, имѣло и общее значеніе всякаго изслѣдованія, всякаго удостовѣренія въ сущности дѣла, такъ что употребленіе этого термина по отношенію къ обслѣдованію чудесъ, какъ основанія для канонизаціи, еще не предрѣшаетъ вопроса о характерѣ самаго акта.

Далѣе, если бы для обслѣдованія чудесъ въ канонизаціонной процедурѣ у насъ въ концѣ XV или въ началѣ XVI в. усвоена была форма судебнаго процесса, то естественно ожидать, что эта форма будетъ развиваться здѣсь параллельно съ свѣтскимъ процессомъ. Между тѣмъ такой параллельности мы не видимъ. Слѣдственный процессъ, какъ извѣстно, достигъ высшей ступени своего развитія при Петрѣ Великомъ, когда, при изданіи Воинскаго Устава (1716 г.), было послѣдовательно примѣнено понятіе инквизиціоннаго процесса. Тогда же было введено и ученіе о формальномъ значеніи доказательствъ, т. е. о заранѣе установленной оцѣнкѣ ихъ закономъ, а не судьей. Это ученіе является естественнымъ коррективомъ тѣмъ широкимъ полномочіямъ, которыми располагаетъ судья при розыскномъ процессѣ: законодательная оцѣнка доказательной силы тѣхъ или другихъ фактовъ, служащихъ матеріаломъ судебнаго процесса, ставитъ извѣстныя границы судейскому усмотрѣнію или произволу. Отразилась ли въ чемъ-либо эта стадія развитія слѣдственнаго процесса на дознаніи о чудесахъ, предшествующемъ канонизаціи, были ли выработаны какія-либо начала для оцѣнки фактовъ, обязательные для должностныхъ лицъ, производящихъ обыскъ, въ родѣ, напримѣръ, установленія опредѣленнаго минимальнаго количества чудесъ, классификаціи свидѣтелей по ихъ отношенію къ фактамъ, о которыхъ они даютъ показанія и т. под.?...

Отсутствіе всего этого въ процедурѣ обслѣдованія чудесъ, предваряющей актъ канонизаціи, тѣмъ болѣе возбуждаетъ со-

мнѣніе въ ея родствѣ съ судебнымъ процессомъ, что она пересматривалась какъ разъ при Петрѣ Великомъ; Духовный Регламентъ съ его строгими предписаніями противъ злоупотребленій въ культѣ святыхъ, совсѣмъ не коснулся самой структуры дознанія о чудесахъ. Это показываетъ, что въ періодъ почти исключительнаго господства слѣдственнаго начала въ русскомъ судопроизводствѣ не усматривали въ обыскѣ, предшествующемъ канонизаціи, чего-либо родственнаго съ судебнымъ процессомъ

Но если бы даже и было доказана когда-либо генетическая связь обслѣдованія чудесъ съ судебнымъ процессомъ, то, обсуживая дознаніе о чудесахъ въ его настоящемъ видѣ и съ точки зрѣнія современныхъ понятій, въ немъ нельзя видѣть чего-либо другого, какъ актъ административный. Мало того, онъ не регламентированъ даже правилами, издаваемыми въ порядкѣ управленія (каковы инструкціи, наказы), а предоставленъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ усмотрѣнію высшей власти, которая сообразуется всякій разъ съ конкретными особенностями даннаго случая и всякій же разъ даетъ соотвѣтственныя указанія подчиненнымъ исполнительнымъ органамъ. Этимъ въ достаточной мѣрѣ объясняется неустойчивость нашего обыска и отсутствіе строго выработанной для него формы. На нашъ взглядъ, таковымъ обыскъ былъ прежде, таковымъ остается онъ и теперь, и если имѣть въ виду эту сторону дѣла, то не колеблясь можно присоединиться къ взгляду проф. Голубинскаго, что нашъ обыскъ «оставался однимъ и тѣмъ же съ древняго и до позднѣйшаго времени, какъ остается все тѣмъ же и въ настоящее время».

Мы видѣли, что въ католической канонизаціонной процедурѣ чудеса не составляютъ единственнаго предмета, устанавливаемаго въ порядкѣ судебнаго изслѣдованія, точно такимъ же порядкомъ церковная власть удостовѣряется и въ святости жизни канонизуемаго. Отсутствіе дознанія или обыска касательно этого предмета у насъ подтверждаетъ мысль объ адми-

нистративномъ характерѣ нашего обыска, предваряющаго канонизацію. Само собою разумѣется, что церковная власть не можетъ допустить канонизаціи, не удостовѣрившись по крайней мѣрѣ въ отсутствіи противопоказаній для нея въ жизни канонизуемаго; но въ виду того, что практически въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ канонизующей власти не представляется здѣсь какихъ-либо трудностей для непосредственнаго удостовѣренія, обслѣдованіе жизни канонизуемаго не требуетъ у насъ ни коммиссій, ни обыска. При канонизаціи свят. Митрофана Воронежскаго, «Св. Сунодъ, приступая къ разсмотрѣнію сего дѣла, истребовалъ изъ Московской Сунодальной Конторы хранящееся въ Сунодальной Библіотекѣ подлинное завѣщаніе преосвященнаго Митрофана, которое открываетъ нѣкоторыя черты житія его и представляетъ изліяніе благочестиваго, смиреннаго, ревностью о спасеніи паствы исполненнаго, духа его», т. е. сдѣлалъ простую канцелярскую справку.

Административный характеръ процедуры, предваряющей актъ канонизаціи, особенно ясно выраженъ въ канонизаціяхъ къ мѣстному празднованію. По отношенію къ нимъ нельзя признавать даже обыкновеннымъ порядкомъ назначеніе коммиссій и дознаніе о чудесахъ. Дѣло ограничивается большей частью однимъ распоряженіемъ начальства по его усмотрѣнію. Вотъ нѣсколько примѣровъ этого рода.

Св. Сунодъ въ 1853—56 гг. (?) разрѣшилъ надъ гробомъ Севастьяна Сохотскаго вмѣсто часовни поставить церковь, посвященную его имени, чѣмъ и началось его мѣстное празднованіе. (Голубинскій, стр. 196).

Въ 1854 г. архіепископъ рязанскій Гавріилъ «повелѣлъ въ крестныхъ ходахъ совершать молебное пѣніе св. Роману (Олеговичу, князю рязанскому), какъ защитнику земли рязанской; этимъ началось мѣстное празднованіе ему. (Ibid)

Въ концѣ 1887 г. «по ходатайству бѣлевскихъ гражданъ Св. Сунодъ разрѣшилъ чествовать преп. Макарія Жабынскаго и вмѣсто паннихидъ служить ему молебны». (стр. 198).

Несомнѣнно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣло обходилось не только безъ особаго разрѣшенія высшей церковной власти, но даже и безъ особаго формальнаго распоряженія власти епархіальной—ограничивалось простымъ молчаливымъ допущеніемъ со стороны епископа возникшаго культа (tolerantia ordinarii въ католической церкви).

Относительно самаго акта канонизаціи результатъ изслѣдованія проф. Голубинскаго ограничивается слѣдующими положеніями. «Въ чемъ состоялъ самый чинъ, какъ совершалось самое торжество причтенія къ лику святыхъ или канонизаціи, положительныхъ свѣдѣній относительно этого мы вовсе не имѣемъ, потому что ни объ одной частной канонизаціи вовсе не говорится, какимъ чиномъ она совершалась. Со всей вѣроятностью должно думать что самимъ представителемъ церковной власти, который совершалъ причтеніе къ лику святыхъ или канонизацію,—былъ ли то епархіальный архіерей или митрополитъ-патріархъ,—не было совершаемо чина или торжества, подобнаго тому, который совершаетъ римскій папа, и что все дѣло съ его стороны ограничивалось опредѣленіемъ и указомъ (какъ это и въ настоящее время), а что торжество совершалось лишь на мѣстѣ нахожденія гроба съ тѣлесными останками канонизованнаго святого. Относительно этого послѣдняго торжества должно думать, какъ ничего болѣе и нельзя думать, что оно состояло въ возможно свѣтло обставленномъ праздничномъ служеніи новому святому, при чемъ, по указанію извѣстныхъ намъ и близко идущихъ сюда распоряженій церковной власти, должны быть предполагаемы нарочитый созывъ всего окрестнаго духовенства со всѣмъ окрестнымъ населеніемъ и болѣе или менѣе щедрая милостыня нищимъ, и при томъ отчасти на основаніи тѣхъ же распоряженій, отчасти само по себѣ, вѣроятно думать, что для совершенія торжества пріѣзжалъ самъ епархіальный архіерей или присылалъ своихъ нарочныхъ уполномоченныхъ». (стр. 286, 287).

Приведенные выводы совсѣмъ не отличаются желательной обстоятельностью. Прежде всего, авторъ почему то ограничился только однимъ древнимъ періодомъ исторіи канонизаціи (до патріаршества включительно); за отсутствіемъ пригоднаго для цѣлей историческаго матеріала, ему, понятно, пришлось довольствоваться болѣе или менѣе вѣроятными предположеніями Между тѣмъ обильный и, въ виду оффиціальнаго характера, болѣе цѣнный матеріалъ XVIII и XIX вв. даетъ возможность сдѣлать выводы по настоящему вопросу болѣе обстоятельные по содержанію, а по степени достовѣрности болѣе чѣмъ вѣроятныя.

Затѣмъ, не достаточно рельефно выясняется отношеніе церковнаго торжества къ самому акту канонизаціи: составляло ли это торжество публикацію канонизаціоннаго акта или оно стояло отъ него особнякомъ? Этотъ вопросъ обойденъ молчаніемъ, хотя его едва-ли можно считать менѣе интереснымъ и важнымъ, чѣмъ, напримѣръ, вопросъ о роли нищихъ при торжествѣ канонизаціи.

Актъ канонизаціи по обыкновенному порядку, насколько послѣдній выясняется изъ документовъ XVIII и XIX вв., состоитъ въ томъ, что Св. Синодъ, удостовѣрившись въ наличности основаній для причтенія подвижника къ лику святыхъ, подноситъ Государю всеподданнѣйшій докладъ, въ которомъ излагаетъ самое дѣло и свое мнѣніе по нему. Докладъ утверждается резолюціей Государя; при этомъ иногда назначается и особый день для церковнаго торжества, соединяемаго съ открытіемъ мощей угодника. Наше торжество причтенія къ лику святыхъ по своему юридическому значенію далеко не тожественно съ соотвѣтствующимъ торжествомъ въ католической церкви. Послѣднее есть публикація (въ техническомъ значеніи термина) канонизаціоннаго или беатификаціоннаго акта, который съ этого момента и вступаетъ въ силу. У насъ же канонизаціонный актъ публикуется во всеобщее свѣдѣніе напечатаніемъ синодальнаго опредѣленія въ

оффиціальномъ органѣ Св. Синода и синодальными указами, которые прочитываются во всѣхъ церквахъ: но свое дѣйствіе и силу канонизаціонный актъ получаетъ только съ момента торжества; послѣднее видно изъ того, что до этого времени угодника, уже канонизованнаго, поминаютъ въ церковныхъ молитвахъ, какъ простого усопшаго—поютъ по немъ панихиды и совершаютъ заупокойныя литургіи. Такимъ образомъ, церковное торжество причтенія къ лику святыхъ, не составляя части канонизаціи, какъ акта юридическаго, имѣетъ значеніе момента, съ котораго этотъ актъ вступаетъ въ силу.

Проф. Суворовъ въ своей статьѣ говоритъ о «причтеніи къ лику святыхъ въ силу императорскаго закона», а въ другомъ мѣстѣ о «канонизаціи, какъ актѣ законодательномъ»; къ сожалѣнію не выясняетъ, какъ смотритъ онъ на причтеніе къ лику святыхъ въ русской церкви—какъ на законъ въ матеріальномъ и формальномъ значеніи термина или какъ на законъ только въ матеріальномъ смыслѣ. Послѣднее не можетъ возбуждать спора. Что же касается вопроса, слѣдуетъ ли признавать канонизаціонный актъ закономъ въ формальномъ смыслѣ слова, то отвѣтъ на него стоитъ въ зависимости отъ того, что должно считать законодательнымъ актомъ по русскому праву: если видѣть существенный признакъ закона въ Высочайшей подписи (Основ. Зак., ст. 54), то канонизаціонные акты—законы въ формальномъ смыслѣ; если же принимать формальное опредѣленіе закона, по которому онъ есть велѣніе верховной власти, состоявшееся при участіи Государственнаго Совѣта (Осн. Зак. ст. 50), то канонизаціонные акты уже не могутъ быть признаваемы законами; тогда въ нихъ слѣдуетъ видѣть акты въ порядкѣ верховнаго управленія

Канонизаціи къ мѣстному празднованію—не что другое, какъ административныя распоряженія, въ рѣдкихъ случаяхъ—высшаго церковно-правительственнаго органа, въ большинствѣ же случаевъ—подчиненныхъ органовъ упра-

вленія: а иногда мѣстный культъ святого является простымъ фактомъ религіознаго быта. Высшая церковная власть поэтому въ порядкѣ надзора можетъ канонизаціи къ мѣстному празднованію, совершенныя подчиненными органами управленія, или утверждать, или отмѣнять или, наконецъ, терпѣть. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда мѣстное празднованіе святому «явилось само собой», какъ религіозно-бытовой фактъ, высшая церковная власть можетъ или признать его, и такимъ образомъ дать ему юридическое значеніе, или бороться съ нимъ средствами, какія она найдетъ цѣлесообразными, или—какъ это чаще всего бываетъ—предоставить здѣсь полную свободу дѣйствій мѣстному епископу.

De lege ferenda нельзя не высказать пожеланія, чтобы канонизаціи къ мѣстному празднованію получили хотя бы такую опредѣленность юридической формы, какую съ XVIII вѣка пріобрѣли канонизаціи къ общему празднованію, что связано съ перечисленіемъ ихъ изъ вѣдѣнія епархіальныхъ архіереевъ въ вѣдѣніе высшей церковной власти.

IV.

Послѣдствія канонизаціи, какъ акта, предписывающаго или дозволяющаго религіозное почитаніе умершаго подвижника благочестія, заключаются въ этомъ почитаніи, въ культѣ святого. Разсмотримъ юридическую сторону культа святыхъ—сначала въ католической церкви, а затѣмъ въ православной церкви (русской).

Католическое дѣленіе святыхъ на sancti и beati имѣетъ своимъ послѣдствіемъ и различіе культа тѣхъ и другихъ. Первые признаются и должны быть признаваемы всѣми членами церкви за святыхъ; они призываются въ публичныхъ молитвахъ во всѣхъ церквахъ, какъ ходатаи предъ Богомъ при совершеніи мессы и дневныхъ службъ: въ ихъ на-

мять и честь могутъ быть освящаемы церкви и алтари (престолы); память каждаго святого церковь торжественно празднуетъ одинъ или нѣсколько дней въ году: изображенія святыхъ съ знаками святости, каковы—лучи вокругъ головы или вѣнецъ и проч., могутъ быть выставляемы въ церквахъ и почитаются какъ иконы, останки (reliquiae) святыхъ открыто выставляются въ церквахъ для поклоненія вѣрующихъ.

Культъ блаженныхъ имѣетъ болѣе ограниченный объемъ: онъ опредѣляется или давнимъ (100 лѣтъ) обычаемъ или нарочитымъ постановленіемъ, содержащимся въ индультѣ о беатификаціи. Существенное отличіе его отъ культа святыхъ состоитъ въ томъ, что онъ не можетъ быть предписанъ для цѣлой церкви, онъ только допускается (оч. рѣдко) въ такихъ предѣлахъ. Запрещается расширять публичное отправленіе культа блаженнаго за предѣлы округа, гдѣ этотъ культъ дозволенъ или предписанъ. Изображенія и реликвій блаженныхъ безъ папскаго дозволенія не могутъ выставляться въ храмахъ и часовняхъ, особенно такихъ, гдѣ совершается месса. Если это дозволеніе дается, то во всякомъ случаѣ не на помѣщеніе изображеній и реликвій блаженныхъ на престолахъ, а только около стѣнъ. Точно такъ же требуется особое папское разрѣшеніе на освященіе престоловъ и на празднованіе особыхъ праздествъ въ честь блаженныхъ, на дневныя службы имъ и на призываніе ихъ въ церковныхъ (публичныхъ) молитвахъ. Когда папой дается разрѣшеніе на освященіе престола въ честь блаженнаго, то это не заключаетъ еще въ себѣ дозволенія призывать его при совершеніи мессы и другихъ дневныхъ службъ. Если папой нарочито дозволено совершеніе мессы въ честь блаженнаго, то она должна совершаться только въ подлежащемъ храмѣ и только духовными лицами, принадлежащими къ церкви или обществу (напр. ордену), которымъ это разрѣшено. Имена блаженныхъ заносятся въ календари только для тѣхъ мѣстностей и обществъ,

для которыхъ разрѣшенъ ихъ культъ съ правомъ совершать въ ихъ честь мессу и дневныя службы.

Особыми правилами опредѣляется почитаніе святыхъ какъ патроновъ. Патронами называются святые (sancti, но не beati), подъ особое покровительство которыхъ ставятся церкви, капеллы, ораторіи, отдѣльныя мѣстности, діоцезы, провинціи, города и даже цѣлые государства, равно какъ церковныя общества (каковы—ордена, конгрегаціи и братства). По вѣрованію церкви, патроны являются особыми ходатаями предъ Богомъ за находящіеся подъ ихъ патронатомъ институты, округа и общества, а потому пользуются отъ послѣднихъ преимущественнымъ почитаніемъ. Юридическая регламентація этого предмета касается подробнаго опредѣленія культа патроновъ, права избранія патроновъ, соотношенія культа патроновъ разныхъ учрежденій и округовъ (напр. гдѣ должно быть празднуемо патрону діоцеза, города, страны и т. под.), культа нѣсколькихъ патроновъ одного и того же учрежденія, общества и т. д.;—въ этомъ послѣднемъ случаѣ устанавливается различіе между главнымъ патрономъ (patronus principalis или principalior) и неглавными, второстепенными (p. minus principales, secundarii), каковое различіе имѣетъ своимъ послѣдствіемъ большую или меньшую торжественность культа.

Въ католической церкви, кромѣ святыхъ (sancti) и блаженныхъ (beati), есть еще разрядъ святыхъ, такъ называемыхъ sancti tolerati. Это—умершіе подвижники, почитаемые вѣрующими за святыхъ, но не признанные въ такомъ качествѣ церковью. Культъ этихъ святыхъ не имѣетъ публичнаго характера: церковнымъ должностнымъ лицамъ воспрещается совершать въ честь ихъ какія-либо службы церковныя; ихъ изображенія или статуи не могутъ быть помѣщаемы въ церквахъ, въ публичныхъ и частныхъ ораторіяхъ, равно какъ на ихъ могилахъ; не могутъ быть возжигаемы предъ этими изображеніями или статуями свѣчи и лампады,

словомъ—запрещается всякаго рода публичное отправленіе культа такихъ святыхъ, все, что не можетъ быть подведено подъ понятіе личнаго и частнаго почитанія. Но каждый отдѣльный членъ церкви въ правѣ именовать такихъ умершихъ святыми, призывать ихъ въ своихъ частныхъ молитвахъ, вывѣшивать и выставлять въ своемъ жилищѣ ихъ изображенія и статуи, однако безъ знаковъ святости. Не отнимаетъ приватнаго характера у такого почитанія и то обстоятельство, что оно можетъ быть совершаемо на глазахъ у другихъ или стать—все равно какъ—извѣстнымъ для другихъ. публичнымъ оно должно разсматриваться только въ томъ случаѣ, если культъ такого умершаго совершается подъ прикрытіемъ церковнаго авторитета. (Hinsctius. Op. cit. SS. 257—263).

Восточная церковь не выработала въ своей практикѣ сколько нибудь опредѣленнаго юридическаго порядка относительно культа святыхъ. Приходится отмѣтить только отдѣльныя положенія, свидѣтельствующія о складывающемся и еще колеблющемся порядкѣ.

Въ русской православной церкви нѣтъ дѣленія святыхъ, подобнаго дѣленію ихъ на sancti и beati въ католической церкви; но различаются общіе и мѣстные святые. Эта классификація святыхъ только отчасти можетъ быть сближаема съ католической, именно по признаку территоріи, на которую распространяется культъ святыхъ. Какъ католическіе beati, такъ и русскіе мѣстные святые почитаются, по общему правилу, только въ отдѣльной части церкви, но не во всей церкви. Какъ тѣ такъ и другіе впослѣдствіи могутъ быть признаны соотвѣтственно sancti или общими святыми. Что же касается святыхъ общецерковныхъ и католическихъ sancti, то, повидимому, въ ихъ культѣ нѣтъ существеннаго различія Этимъ, кажется, и исчерпываются черты сходства католической и православной (русской) классификаціи.

Русскимъ мѣстнымъ святымъ въ отличіе отъ католическихъ beati празднованіе не допускается только, а предпи-

сывается. Они должны быть призываемы въ публичныхъ церковныхъ молитвахъ на ряду съ общецерковными святыми, въ честь ихъ составляются особыя службы, какъ и въ честь послѣднихъ, во имя ихъ освящаются престолы и церкви; имъ устанавливаются ежегодныя празднества, ихъ изображенія ничѣмъ не отличаются отъ изображеній общихъ святыхъ— ни по своему внѣшнему виду, ни по церковному употребленію: то же слѣдуетъ сказать и объ ихъ мощахъ. Такимъ образомъ единственный признакъ, отличающій общихъ святыхъ отъ мѣстныхъ заключается въ томъ, что первые почитаются во всей церкви, а вторые - только въ нѣкоторой части ея.

Мѣстные святые, по изслѣдованію проф. Голубинскаго, не представляютъ однороднаго класса, а раздѣляются на два вида: на мѣстныхъ въ тѣснѣйшемъ смыслѣ слова, т. е. на такихъ, которымъ назначалось празднованіе только въ самомъ мѣстѣ ихъ погребенія— въ монастыряхъ или у приходскаго храма, и на мѣстныхъ въ обширномъ значеніи слова, т. е. на такихъ, которымъ назначалось празднованіе въ мѣстной епархіи. (стр. 41 ср. стр. 293).

Русская классификація святыхъ (въ томъ видѣ, какъ она представлена проф. Голубинскимъ, оффиціальной же нѣтъ) съ юридической точки зрѣнія оставляетъ много неяснаго. Прежде всего, сравнивая послѣдствія католической канонизаціи (canonisatio) съ канонизаціей къ общему празднованію въ русской церкви, нельзя не отмѣтить нѣкоторой разницы между ними. Послѣдствія католической канонизаціи имѣютъ силу для всей католической церкви. Святой, канонизованный по почину французской церкви, долженъ быть почитаемъ святымъ и въ другихъ католическихъ церквахъ, напримѣръ испанской, итальянской, русской и т. д. Но послѣдствія канонизаціи къ общему празднованію въ православной церкви не отличаются такой ясностью. Что, напримѣръ, слѣдуетъ понимать подъ канонизаціей къ общему празднованію, предпринятой русской православной церковью: имѣется ли здѣсь

установленіе празднованія въ предѣлахъ русской православной церкви или это — церковно-правительственный актъ, распространяющійся и на другія автокефальныя церкви восточнаго православія? Равнымъ образомъ и наоборотъ, имѣютъ ли какія-либо слѣдствія въ предѣлахъ русской церкви канонизаціи къ общему празднованію, совершенныя константинопольскимъ патріархомъ, сербскимъ митрополитомъ или Эллад-скимъ Синодомъ? Если канонизація къ общему празднованію, совершенная въ одной автокефальной церкви восточнаго православія, имѣетъ юридическія послѣдствія и въ другихъ авто-кефальныхъ церквахъ, то возникаютъ ли эти слѣдствія въ силу самаго акта канонизаціи, eo ipso, или въ силу особаго правительственнаго акта каждой данной церкви? Если же канонизація къ общему празднованію имѣетъ силу только въ предѣлахъ данной автокефальной церкви, то святыхъ почитаемыхъ во всей русской церкви, съ точки зрѣнія территоріи, на кото-рую распространяется ихъ культъ, слѣдовало бы раздѣлить на 2 вида: 1) почитаемыхъ во всѣхъ церквахъ восточнаго православія и 2) почитаемыхъ только въ русской церкви.

Указанные вопросы имѣютъ не только теоретическое, но и практическое значеніе. Практика можетъ встрѣтиться съ ними въ тѣхъ случаяхъ, когда является надобность въ отправленіи культа святому не въ той церкви, гдѣ онъ канонизо-ванъ. Какими началами, напримѣръ, будетъ руководиться священникъ болгарской или румынской православной церкви, если къ нему обратится русскій-православный съ просьбой отслужить молебенъ Осодосію Угличкому или Тихону За-донскому, назвать сына именемъ русскаго святого? Возможенъ и обратный случай грекъ обращается къ русскому право-славному священнику съ просьбой о молебнѣ святому, ка-нонизованному въ греческой церкви.

Что касается мѣстныхъ святыхъ, то изслѣдованіемъ проф. Голубинскаго совсѣмъ не затронуто вопроса, исключается ли ихъ культъ публичнаго характера во всѣхъ мѣстностяхъ.

кромѣ тѣхъ монастырей, приходскихъ храмовъ или епархій, гдѣ почитаніе ихъ установлено канонизаціоннымъ актомъ, говоря иначе, культъ мѣстныхъ святыхъ фактически ли только не распространенъ далѣе извѣстныхъ границъ, или эти границы поставлены ему правомъ. Далѣе, какъ понимать положеніе, что извѣстному святому установлено празднованіе мѣстное—въ томъ ли смыслѣ, что за предѣлами даннаго округа не допускается почитаніе, его какъ святого, или въ томъ смыслѣ, что оно только не предписывается, хотя и допускается?

Практически рѣшеніе этихъ вопросовъ потребуется въ такомъ, напримѣръ, случаѣ: жилецъ Вологодской губерніи, привыкшій чтить память Логгина Корякемскаго (о немъ Голубинскій, стр. 195) ежегодно молебномъ съ акаѳистомъ, переселяется въ Сибирь и желаетъ продолжать свое обыкновеніе и въ новомъ мѣстѣ жительства: подлежитъ ли удовлетворенію благочестивое желаніе чтителя мѣстнаго Вологодскаго чудотворца?

Нельзя также не считаться съ замѣчаніемъ высказаннымъ въ статьѣ проф. Суворова, что принятое проф. Голубинскимъ различіе мѣстныхъ святыхъ въ обширнѣйшемъ смыслѣ слова отъ мѣстныхъ же святыхъ въ тѣснѣйшемъ смыслѣ слова не соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ отношеніямъ, а потому не представляется нужнымъ, такъ какъ едва ли когда-либо почитаніе мѣстныхъ святыхъ въ тѣснѣйшемъ смыслѣ—ограничивается однимъ монастыремъ или одной приходской церковью (назв. ст. стр. 288).

Наконецъ, классификація святыхъ, предложенная проф. Голубинскимъ, оставляетъ въ невѣдѣніи, какъ нужно понимать наше употребленіе слова, блаженный въ примѣненіи къ нѣкоторымъ праведникамъ (Августинъ, Ѳеодоритъ, Іеронимъ). (Ibid. стр. 270). Это примѣненіе извѣстно не одной только богословской литературѣ, но и русскому религіозному быту. Намъ приходилось видѣть икону—копію съ иконы строгановъ-

ского письма—подъ названіемъ «Шестодневъ», на которой художникъ классифицируетъ святыхъ, различая лики: святыхъ праотцевъ, апостоловъ, пророковъ, мучениковъ и мученицъ, преподобныхъ отецъ и блаженныхъ.

Въ чемъ состоялъ и состоитъ культъ святыхъ въ русской православной церкви?

«Святой канонизованный или настоящій есть тотъ, которому установлено и совершается сходственное празднованіе (служба), которому молебствуется (поются молебны) и къ которому обращаются съ молитвами» (Голубинскій, стр. 138). Здѣсь признаки святого, заключающіеся въ отдѣльныхъ актахъ его культа, перечислены не полно такъ какъ имѣется въ виду только указать необходимые признаки для отличенія святыхъ отъ «почитаемыхъ усопшихъ». Сюда же въ разныхъ мѣстахъ книги относится, освященіе во имя святыхъ престоловъ и церквей, почитаніе ихъ изображеній (иконъ) и тѣлесныхъ останковъ (мощей). Мощи святыхъ помѣщаются обыкновенно въ особыхъ ракахъ, украшенныхъ изображеніями святыхъ, останки которыхъ въ нихъ почиваютъ. Культъ мѣстныхъ святыхъ по своему содержанію ничѣмъ не отличается отъ такового же культа общецерковныхъ святыхъ.

Въ православной церкви существуетъ также особый видъ почитаемыхъ умершихъ праведниковъ, соотвѣтствующій разряду sancti tolerati католической церкви. Изученіе культа этого рода святыхъ (неканонизованныхъ) интересно въ томъ отношеніи, что оно даетъ возможность видѣть какъ начинается (зарождается) культъ святого: поэтому мы приведемъ здѣсь результаты, добытые изслѣдованіемъ проф. Голубинскаго.

Почитаніе значительнаго числа подвижниковъ благочестія начиналось ранѣе ихъ канонизаціи, подвижникъ при своей жизни пріобрѣталъ подвигами своими славу между людьми и вслѣдствіе этого тотчасъ же послѣ его погребенія или спустя извѣстное время послѣ смерти начиналось почитаніе его памяти. Оно состояло съ одной стороны въ томъ,

что при гробахъ (могилахъ) такихъ подвижниковъ благочестія, умершихъ въ славѣ святости, возносимы были молитвы о нихъ, а съ другой стороны—въ томъ, что надъ ихъ гробами устроялись извѣстнаго рода памятники въ честь ихъ, вмѣстѣ съ чѣмъ соединялось и «нѣкоторое вещественное или видимое чествованіе подвижниковъ».

Усердствовавшіе къ памяти подвижниковъ христіане нѣкогда при ихъ гробахъ панихиды о нихъ, въ дни ихъ смерти совершались о нихъ заупокойныя литургіи, а имена ихъ заносились въ синодики или поминальники для всегдашняго поминовенія на литіяхъ и обѣдняхъ. Что касается до нѣкогда заупокойныхъ литургій въ дни кончины и до всегдашняго поминовенія на литіяхъ и обѣдняхъ, то иногда это было дѣломъ добровольнымъ, зависѣвшимъ отъ частнаго усердія, иногда же предписаннымъ и установленнымъ.

Составлялись почитаемымъ усопшимъ и церковныя службы; хотя онѣ и не могли имѣть церковнаго употребленія, но люди, имѣвшіе вѣру къ неканонизованнымъ подвижникамъ, какъ къ достойнымъ молитвенникамъ предъ Богомъ, могли совершать по нимъ моленія послѣднимъ домашнія или келейныя (стр. 289).

Относительно устроенія памятниковъ надъ могилами подвижниковъ, соединявшагося съ «вещественнымъ чествованіемъ» послѣднихъ, дѣло обстояло такимъ образомъ. Если подвижникъ былъ погребенъ въ церкви, т. е. подъ церковью (подъ поломъ ея), то на полу церкви, надъ мѣстомъ могилы устроялась гробница или надгробница, имѣвшая видъ раки съ мощами, подражаніемъ которой она была (и именемъ которой называлась большей частью), или видъ гроба, а если подвижникъ былъ погребенъ внѣ церкви, на открытомъ кладбищѣ или погостѣ, то надъ могилой ставилось небольшое зданіе—палатка или часовня, и въ палаткѣ надъ могилой устроялась надгробница. Надгробницы какъ въ часовняхъ или палаткахъ, такъ и въ церквахъ покрывались покровами: предъ ними

зажигались также свѣчи. Иногда на надгробницахъ (на верхней сторонѣ) помѣщались изображенія подвижниковъ во весь ростъ, а предъ надгробницами нерѣдко ставились поясныя изображенія подвижниковъ. Тѣ и другія изображенія, по взгляду проф. Голубинскаго, были портреты, или при отсутствіи сходства, во всякомъ случаѣ имѣли значеніе послѣднихъ, но назывались они иконами, такъ какъ этимъ словомъ у насъ обозначались и портреты и иконы въ техническомъ значеніи слова. Любопытно, что точно такъ же до иконъ-портретовъ включительно украшались у насъ могилы князей и царей, при чемъ на портретахъ-иконахъ эти покойники писались у насъ такъ же какъ у грековъ съ сіяніемъ вокругъ головы или съ нимбомъ.

«Что касается до настоящаго времени, то мы, говоритъ проф. Голубинскій, не знаемъ примѣровъ, чтобы въ церквахъ и палаткахъ-усыпальницахъ ставимы были иконы-портреты почитаемыхъ усопшихъ, и полагаемъ, что это считается дѣломъ недозволеннымъ. Но покрытіе надгробницъ надъ могилами или на могилахъ почитаемыхъ усопшихъ изображеніями ихъ во весь ростъ и въ настоящее время обычно или, по крайней мѣрѣ, нисколько не составляетъ дѣла необычнаго».

Не обходилось дѣло и безъ злоупотребленій, состоявшихъ въ томъ, что, вмѣсто панихидъ по усопшимъ подвижникамъ, пѣли имъ какъ настоящимъ (канонизованнымъ) святымъ молебны, а принимая во вниманіе темноту прежняго времени, можно думать, что злоупотребленія допускались и не особенно рѣдко (стр. 270—278 срав. стр. 42).

Почитаніе усопшихъ подвижниковъ благочестія въ указанномъ теперь объемѣ иногда было просто народнымъ и, какъ произвольное, въ нѣкоторыхъ случаяхъ встрѣчало сопротивленіе со стороны духовенства, иногда же было дозволеннымъ или прямо предписаннымъ со стороны церковной власти (стр. 41).

Если внимательно всмотрѣться въ только что описанный

словами проф. Голубинскаго культъ почитаемыхъ умершихъ подвижниковъ благочестія, составляющій «низшую ступень культа святыхъ», то не трудно убѣдиться въ томъ, что простое поминовеніе подвижниковъ имѣетъ тенденцію неуклонно развиваться въ религіозное почитаніе ихъ, въ культъ святыхъ, и что граница между послѣднимъ и почитаніемъ неканонизованныхъ подвижниковъ въ практикѣ далеко не отличается ясностью и опредѣленностью.

Въ области культа святыхъ можно различать два фактора, находящихся въ постоянномъ взаимодѣйствіи—съ одной стороны, народъ съ неудержимымъ стремленіемъ воздавать религіозное почитаніе лицамъ, отличавшимся по его, народному, убѣжденію святой жизнью, съ другой—церковную власть, ставившую границы этому народному стремленію по тѣмъ или другимъ соображеніямъ. Равнодѣйствующая этихъ двухъ силъ слагалась при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ. Иногда народъ воздѣйствовалъ на епископовъ прямо принудительно и послѣдніе подчинялись голосу народа, иногда почитатели умершаго подвижника настойчиво подавали кому слѣдуетъ прошенія и заявленія и добивались оффиціальной канонизаціи; чаще бывало, что превозмогала церковная власть и ей удавалось устранить уже начавшійся культъ умершаго, котораго народъ почиталъ за святого; наконецъ, въ иныхъ случаяхъ устанавливались, такъ сказать, компромиссы между двумя сторонами; результатъ такихъ компромиссовъ можно видѣть въ культѣ почитаемыхъ усопшихъ, а отчасти и въ канонизаціяхъ къ мѣстному празднованію.

Нельзя также обойти молчаніемъ одного относящагося сюда обстоятельства, правдиво отмѣченнаго проф. Голубинскимъ, именно матеріальную заинтересованность духовенства церкви или властей монастыря, гдѣ былъ погребенъ умершій въ славѣ святости подвижникъ, въ канонизаціи послѣдняго (стр. 280). Это обстоятельство было причиной очень многихъ злоупотребленій культомъ святыхъ, которыя

отчасти состояли въ томъ, что заинтересованныя лица, пользуясь недостаточностью церковнаго надзора, произвольно устанавливали почитаніе не канонизованныхъ подвижниковъ какъ святыхъ.

Въ русской церкви до настоящаго времени не выработано опредѣленныхъ юридическихъ нормъ, которыя регулировали бы культъ святыхъ. Господство въ этой области административнаго усмотрѣнія церковныхъ властей, руководящихся всякій разъ соображеніями ad hoc, примѣнительно къ данному конкретному случаю, не могло гарантировать желательный здѣсь порядокъ. Всего яснѣе отсутствіе порядка наблюдается въ культѣ усопшихъ подвижниковъ благочестія (не канонизованныхъ святыхъ). Въ теоріи, въ книгѣ еще можно разграничить культъ простыхъ умершихъ подвижниковъ отъ культа святыхъ, но въ дѣйствительной жизни грань между ними исчезаетъ: одинъ незамѣтно переходитъ въ другой. Факты, собранные проф. Голубинскимъ, даютъ очень много примѣровъ смѣшенія этихъ культовъ.

При гробницахъ почитаемыхъ угодниковъ (неканонизованныхъ) служились и должны были служиться панихиды, но нѣкогда и молебны. Конечно, ученымъ богословамъ и вообще людямъ, освѣдомленнымъ въ религіозныхъ дѣлахъ, въ настоящее время это должно представляться злоупотребленіемъ. Но всегда ли дѣло такъ представлялось въ народномъ сознаніи, въ сознаніи духовенства и церковныхъ властей и всегда ли предпринимались необходимыя мѣры противъ такихъ злоупотребленій? Дать рѣшительно утвердительный отвѣтъ трудно.

Для древняго времени мы имѣемъ свидѣтельство о дозволеніи самимъ патріархомъ Іосифомъ пѣть на гробъ Соломониды, разведенной супруги великаго князя Василія Ивановича, не только панихиды, но и молебны (стр. 278. прим. 2). Совсѣмъ неубѣдительно по своей натянутости и произвольности объясненіе этого факта проф. Голубинскимъ, будто дѣло

слѣдуетъ понимать такъ, что панихиды предписывалось пѣть по умершей, а молебны ея ангелу. Замѣчаніе о томъ, что одновременное предписаніе *) служить панихиды и молебны было бы нелѣпостью, совершенно правильно, но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что не одно только это обстоятельство, кажущееся нелѣпостью профессору Голубинскому, могло представляться совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ патріарху Іосифу.

Насколько не приходится быть требовательнымъ къ блаженной памяти патріарху Іосифу—можно убѣдиться уже изъ фактовъ недалекаго прошлаго. О культѣ Анны Кашинской мы между прочимъ узнаемъ, что «у драгоцѣнной раки благовѣрныя княгини Анны для чтителей ея и нынѣ отправляются молебныя пѣнія всѣмъ святымъ съ заключительнымъ возглашеніемъ особой молитвы къ ней». (Голубинскій стр. 558, свѣдѣнія взяты изъ журн. Странникъ, 1900 г. т. 2 стр. 405). Въ другомъ мѣстѣ проф. Голубинскій, говоря о культѣ упомянутой ранѣе Соломониды замѣчаетъ «относительно панихидъ (совершаемыхъ по ней) возможно, что онѣ на манеръ панихидъ по Аннѣ Кашинской поются такъ, что представляютъ изъ себя въ одно и то же время и панихиды и молебны»! (стр. 568). Церковная власть темныхъ прошлыхъ вѣковъ могла, добросовѣстно заблуждаясь, рекомендовать пѣть молебны и панихиды одновременно, факты недалекаго отъ насъ времени убѣждаютъ, что наши іерархи, облеченные высшею властью, могли терпимо относиться къ такому порядку. С.-Петербургскій митрополитъ Серафимъ въ своемъ письмѣ къ митрополиту Московскому Филарету (приведено въ книгѣ Голубинскаго, стр. 572, 573) указываетъ на извѣстный, вѣроятно, Филарету фактъ, что Аннѣ Кашинской поютъ панихиды, а въ концѣ читаютъ молитву, которая читается только святымъ. Этотъ фактъ петербургскій митрополитъ находитъ

*) Слѣдуемъ за изложеніемъ проф. Голубинскаго, которое въ одномъ мѣстѣ говоритъ о дозволеніи, а десяткомъ строкъ ниже о предписаніи.

страшнымъ, но, повидимому, допустимымъ. Такимъ образомъ, практика нашла среднюю ариѳметическую между молебномъ и панихидой.

Нельзя, конечно, отрицать и факты, что составленныя неканонизованнымъ святымъ службы церковныя выходили иногда изъ предѣловъ «домашняго или келейнаго» употребленія. Особенно это слѣдуетъ сказать объ акаѳистахъ, излюбленномъ родѣ творчества нашихъ усердныхъ почитателей святыхъ. Для напечатанія ихъ и для распространенія, повидимому, достаточно только дозволенія духовной цензуры, которая не всегда можетъ располагать достовѣрными свѣдѣніями относительно того или другого подвижника благочестія. За недостаткомъ необходимаго надзора, акаѳисты даже очень сомнительнаго происхожденія проникали иногда въ богослужебную практику.

Еще болѣе культъ неканонизованныхъ подвижниковъ сближается съ культомъ святыхъ въ употребленіи изображеній тѣхъ и другихъ. Эти изображенія, очевидно, нисколько не отличались ни по внѣшнему виду, ни по названію, ни по тому почитанію, какое имъ оказывалось (поклоненіе, лобзаніе, возженіе свѣчъ) и одинаково допускались въ церквахъ (факты см. стр. 276, 277). Существуютъ иконы неканонизованныхъ подвижниковъ и въ настоящее время, хотя «значительное число ихъ сокрыто и уничтожилось въ прошедшемъ столѣтіи вслѣдствіе поднимавшагося гоненія на нихъ». Интересно, что въ одномъ случаѣ церковная власть распорядилась объ отобраніи такихъ иконъ даже и изъ домовъ. (стр. 458).

Надгробницы почитаемыхъ подвижниковъ соотвѣтствовали ракамъ съ мощами святыхъ и подобно изображеніямъ не отличались отъ нихъ—отчасти и потому, что не всякій богомолецъ могъ знать, съ мощами онѣ или кенотафы. Что заблужденіе здѣсь было возможно свидѣтельствуетъ такой, напримѣръ, фактъ: «митрополитъ Платонъ въ дневникъ своего

путешествія въ Кіевъ въ 1804 г. пишетъ, что въ Печерскомъ монастырѣ онъ прикладывался съ другими мощами къ мощамъ препод. Ѳеодосія», тогда какъ прикладывался онъ только къ «кепотафіи». «Конечно, добавляетъ проф. Голубинскій. Платону не говорили обманнымъ образомъ, что въ кепотафіи находятся мощи прп. Ѳеодосія, а только самъ онъ выражается не точнымъ образомъ (съ своего рода преувеличеніемъ)»(?!).

Возможность заблужденія была тѣмъ легче, что раки, въ которыхъ не было мощей, не всегда были пусты. Изъ указа Св. Синода отъ 15 марта 1722 г. видно, что въ нихъ клали «вмѣсто ~~тѣлесъ рѣзныя~~ и издолбленныя колоды, которыя и покрыты покровами, яко бы самыя тѣхъ святыхъ тѣлеса, что немногимъ и вѣдомо есть, а которые про то несвѣдомы, паче же простолюдины, приходя къ тѣмъ ракамъ и гробницамъ и по невѣдѣнію своему вмѣняя то, какъ имъ видно, за самыя святыхъ тѣлеса, приступаютъ съ великимъ страхомъ и цѣлуютъ положенные на тѣхъ колодахъ покровы со многимъ говѣніемъ, чающе, самымъ тѣлесамъ тутъ положеннымъ быть, которыхъ никогда тутъ не бывало»... Далѣе, въ томъ же указѣ говорится, что эти колоды «яко нѣкъ обмана положены».

Къ культу святыхъ относится, какъ указано выше, почитаніе мощей святыхъ. Мы не будемъ разсматривать здѣсь этого вопроса во всемъ его объемѣ, а коснемся только опредѣленія понятія мощей.

Такъ какъ въ католической церкви существуетъ культъ, соотвѣтствующій почитанію мощей въ православной церкви, именно культъ реликвій, то представляется цѣлесообразнымъ для выясненія понятія мощей сопоставить католическое опредѣленіе реликвій съ православнымъ опредѣленіемъ мощей.

Реликвіи, по католическому доктринальному опредѣленію, суть тѣла яли кости святыхъ, отдѣльныя части этихъ тѣлъ или костей, пепелъ или прахъ отъ тѣлъ или костей святыхъ,

равнымъ образомъ вещи, которыми святые пользовались или, по крайней мѣрѣ, съ которыми они приходили въ соприкосновеніе въ своей жизни, каковы, напримѣръ, одежды, орудія мученичества и др. и, наконецъ, предметы, имѣвшіе ближайшее отношеніе къ ихъ тѣлеснымъ останкамъ послѣ смерти (напримѣръ, платы въ которые завертывались тѣла святыхъ при погребеніи, гробницы и др.) (Hinschius. Op. cit. S. 265). Это доктринальное опредѣленіе не совсѣмъ соотвѣтствуетъ по буквѣ опредѣленію Тридентскаго собора (Sess. XXV decr. de invoc. sanct.), такъ какъ здѣсь различаются reliquiae sanctorum quoque martyrum et aliorum cum Christo viventium sancta corpora и alia sacra monumenta. Доктринальное опредѣленіе, очевидно, объединяетъ то и другое и обозначаетъ однимъ терминомъ reliquiae.

Буквальное значеніе русскаго слова «мощи» собственно — кости, поэтому первоначальное значеніе слова мощи уже соотвѣтствующихъ ему — греческаго λείψανα и латинскаго reliquiae. Нѣтъ соотвѣтствія и въ современномъ ихъ употребленіи. Проф. Барсовъ — неизвѣстно на какомъ основаніи — утверждаетъ, что мощи — это «тѣла святыхъ христіанской церкви, оставшіяся послѣ ихъ смерти нетлѣнными» (Энциклоп. Словарь Брокгауза и Ефрона т. XX стр. 93). Преосвящ. Макарій (Православно-догматическое богословіе, т. II, стр. 567), повидимому, стоитъ на точкѣ зрѣнія Тридентскаго собора, когда различаетъ «мощи или тѣлеса угодниковъ.... и другіе останки святыхъ, получившіе отъ нихъ или чрезъ нихъ освященіе, каковы — риза и. поясъ Богоматери, вериги ап. Петра и под.». Будучи сходно по логической структурѣ съ опредѣленіемъ Тридентскаго собора, положеніе преосв. Макарія измѣняетъ только термины: останки (reliquiae, λείψανα :) у него означаютъ предметы, имѣвшіе отношеніе къ святымъ, а то, что Тридентскій соборъ означилъ этимъ терминомъ, названо имъ мощами, подъ которыми, впрочемъ, разумѣются т о л ь к о тѣлеса угодниковъ.

Проф. Голубинскій, несмотря на очень значительное вниманіе, посвященное настоящему предмету, не даетъ научнаго опредѣленія понятію мощей. Главная тема его разсужденій относительно мощей сводится къ доказательству того положенія, что нетлѣніе мощей никогда (будто) не признавалось реквизитомъ канонизаціи. Но въ книгѣ есть замѣчанія очень цѣнныя и для выясненія самаго понятія мощей. Прежде всего, мощи святыхъ не суть всегда и непремѣнно совершенно цѣлыя, нисколько неразрушенныя и неповрежденныя тѣла: онѣ могутъ быть и цѣлыми, нетлѣнными тѣлами, и тѣлами, отчасти подвергшимися тлѣнію, костями, даже небольшими останками и частицами костей (стр. 297—298).

Этимъ цѣннымъ положеніемъ все же не опредѣляется интересующее насъ теперь понятіе во всемъ его объемѣ. Не ясно, исчерпываются ли здѣсь всѣ виды мощей или проводится только примѣрное перечисленіе въ опроверженіе взгляда, что мощи святыхъ—это тѣла, не подвергшіяся тлѣнію. Вѣрно, повидимому, послѣднее, такъ какъ въ отдѣлѣ приложеній, въ главѣ, озаглавленной дополнительныя свѣдѣнія о мощахъ святыхъ, авторъ приводитъ мѣста изъ словъ Іоанна Златоуста, гдѣ говорится «о мощахъ святыхъ, не какъ о цѣлыхъ тѣлахъ, а какъ о костяхъ и прахѣ» (стр. 516). Надо прибавить, что Іоаннъ Златоустъ говоритъ не только о прахѣ (κόνις), но и о пеплѣ (τέφρα), оставшемся отъ мучениковъ. Такимъ образомъ, ранѣе перечисленные виды мощей слѣдовало бы дополнить еще двумя: прахъ и пепелъ отъ тѣлъ и костей святыхъ, тогда получилось бы полное соотвѣтствіе нашего опредѣленія мощей съ первою частью опредѣленія, усвоеннаго католической доктриной.

Но здѣсь не должно быть упускаемо изъ виду одно обстоятельство, на которое не обращено вниманіе проф. Голубинскимъ. Ни одно изъ выписанныхъ имъ мѣстъ, говоря о костяхъ святыхъ, прахѣ и пеплѣ отъ ихъ тѣлъ, не называетъ эти останки мощами (λείψανα)—обстоятельство, которое

можетъ обратить и самую аргументацію, основанную на этихъ мѣстахъ, въ прахъ и пепелъ. Да если бы и было найдено такое мѣсто, то убѣдительность его была бы не велика, такъ какъ ко времени Златоуста слово λείψανα не успѣло еще получить терминологическаго значенія, а означало все, что осталось, остатки вообще, какъ это видно изъ 95 правила карѳагенскаго собора (по современному счету Книги правилъ); здѣсь употреблено выраженіе τὰ λείψανα τῆς εἰδωλολατρείας. Въ XII в. І. Зонара въ своемъ толкованіи на это правило находитъ нужнымъ пояснить слово λείψανα синонимичнымъ ἐγκαταλείμματα—явный признакъ, что къ его времени слово λείψανα стало уже техническимъ терминомъ. То же самое отражается и въ славянскихъ переводахъ, если признать вѣрнымъ, что слово мощи (един. чис. мощà) и у насъ имѣло значеніе остатковъ въ общемъ смыслѣ: въ древнеславянскихъ переводахъ выраженіе—τὰ λείψανα τῆς εἰδωλολατρείας передается: мощи кумирослуженія или мощà кумирослуженія, тогда какъ въ позднѣйшихъ кормчихъ—останцы идолослуженія *) (Голубинскій, стр. 299, прим. 1 срав. Правила помѣстныхъ соборовъ, изд. Общества Любит. Духов. Просвѣщ., стр. 1533).

Съ тѣмъ широкимъ пониманіемъ значенія слова мощи, о которомъ только что говорилось, не совсѣмъ гармонируетъ одно мѣсто въ книгѣ проф Голубинскаго, гдѣ онъ разсуждаетъ, что мощи святыхъ иногда послѣ ихъ обрѣтенія снова предаваемы были землѣ, и что это, вѣроятно, должно быть объясняемо «недостаточной сохранностью мощей для того, чтобы онѣ могли быть оставлены на вскрытіи». Оставляя въ сторонѣ то, что не представляется хоть сколько нибудь яснымъ.

*) При всемъ уваженіи къ авторитету Срезневскаго и Востокова, на которыхъ опирается проф. Голубинскій, утверждая, что слово „мощи“ означало у насъ остатки вообще, позволительно думать, что это утвержденіе основывается на неправильномъ переводѣ греческаго выраженія τὰ λείψανα τῆς εἰδωλολατρείας, переводчикъ не понялъ, что слово λείψανα употреблено не въ техническомъ, а общемъ значеніи

какая степень сохранности нужна для оставленія мощей на вскрытіи, непонятно, о какихъ степеняхъ сохранности можно говорить по отношенію къ мощамъ, когда цѣлое и неподвергшееся тлѣнію тѣло столько же мощи, какъ прахъ и пепелъ отъ тѣлъ и костей.

Слово «мощи» въ русскомъ церковномъ быту прилагается не только къ открытымъ тѣлеснымъ останкамъ святыхъ, но и къ предполагаемымъ такимъ останкамъ, которые когда-нибудь были открываемы и снова были зарыты въ землю или которые даже никогда не были открываемы. Для обозначенія двухъ послѣднихъ видовъ мощей употребляется выраженіе «мощи подъ спудомъ». Это характерное выраженіе взято изъ Евангелія.*) Что образъ свѣтильника (свѣчи), накрытаго сосудомъ, усвоенъ для обозначенія мощей, которыя были когда-либо открыты, а потомъ снова скрыты въ землю, понятно, но совершенно непонятно, какъ этотъ образъ могъ быть использованъ въ примѣненіи къ предполагаемымъ останкамъ, которые никогда не были открываемы.

Насколько темно значеніе выраженія «мощи подъ спудомъ» можно видѣть изъ замѣчанія проф. Голубинскаго о томъ, что наши жизнеописатели святыхъ «не особенно рѣдко» употребляютъ выраженіе «нетлѣнныя мощи подъ спудомъ»; авторъ относитъ такихъ жизнеописателей къ разряду людей, съ которыхъ спросъ не великъ. Но оказывается, что въ томъ же повинны и люди, къ которымъ можно предъявлять и большой спросъ. Такъ, преосвящ. Филаретъ (Черниговскій), по выраженію проф. Голубинскаго, «позволяетъ себѣ говорить о мощахъ святыхъ очень страннымъ образомъ»: онъ пишетъ, что «нетлѣнныя мощи прп. Іоасафа (игумена Псковскаго Снѣтогорскаго монастыря) почиваютъ въ его оби-

*) Мѳ. 5, 15 οὐδὲ καίουσι λύχνον καὶ τιθέασιν αὐτὸν ὑπὸ τὸν μόδιον—modius=1/6 медимна, мѣра сыпучихъ тѣлъ срав Марк. 4, 21. μήτι ὁ λύχνος ἔρχεται, ἵνα ὑπὸ τὸν μόδιον τεθῇ ἢ ὑπὸ τὴν κλίνην. Лук. 8, 16, гдѣ выраженіе ὑπὸ μόδιον замѣняется равнозначущимъ σκεύει и Лук 11, 33, гдѣ ему предшествуетъ тожественное по значенію εἰς κρυπτόν.

тели подъ спудомъ, а открыто, въ особомъ ковчегѣ, хранятся двѣ кости и глава его». «Какъ будто бы онъ (Филаретъ), говоритъ проф. Голубинскій, могъ знать въ какомъ состояніи находятся мощи подъ спудомъ».

Но если вмѣстѣ съ проф. Голубинскимъ не допускать «нетлѣнныхъ мощей подъ спудомъ», но признавать вообще «мощи подъ спудомъ», то къ ранѣе перечисленнымъ видамъ мощей придется прибавить еще два, именно: предполагаемые останки святыхъ, когда-либо открытые, но потомъ сокрытые въ землю, и предполагаемые же останки святыхъ, никогда не открывавшіеся.

Въ заключеніе рѣчи о мощахъ святыхъ дозволительно сдѣлать выводъ, что и послѣ изслѣдованія проф. Голубинскаго нельзя дать обстоятельнаго отвѣта на вопросъ что такое мощи. Важность же этого вопроса не можетъ быть подвергаема сомнѣнію ни съ точки зрѣнія церковныхъ интересовъ, ни съ точки зрѣнія даже интересовъ общаго правового порядка. Послѣднее явствуетъ изъ того обстоятельства, что въ дѣйствующемъ Уложеніи о наказ. (ст. 221) похищеніе мощей составляетъ святотатство: въ новомъ Уголовномъ Уложеніи тотъ же составъ даетъ понятіе квалифицированнаго воровства (ст. 588). Въ послѣднемъ, кромѣ того, обложено наказаніемъ «поруганіе дѣйствіемъ или поношеніе» святыхъ мощей (ст. 73) Для опредѣленія состава преступленій, предусмотрѣнныхъ указанными статьями, „необходимо точное, ясное и полное понятіе святыхъ мощей.

ОПЕЧАТКИ.

Стран		Строк	Напечатано.	Должно быть
15	сн	8	свойствегны	свойственны
17	св.	14	мѣста	мѣста,
23	сн.	6	указаніе	указанія
30	„	1	заявленія	заявленіе
„	„	6	(весьма	(„весьма
37	св.	8	дискуссія.	дискуссія
44	сн.	11	fiidei	fidei
47	„	4—5	беатификаціи	беатификаціи,
49	св.	14	культа	культа,
59	„	17	реликвій	реликвіи